

Международный Аспект

ТОМ 2. ВЫПУСК 4(6)
ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 2021

International Aspect

VOL. 2 NO. 4 (6)
OCTOBER—DECEMBER
2021

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Причины и предпосылки Первой мировой войны • 4
Ярослав Ильченко

От индустриальной к тотальной войне?
Динамика развития военных конфликтов
в первой половине XX века
Искандэр Магадеев

Анализ причин русско-японской
войны 1904–1905 гг. через призму
классического политического реализма
Евгений Белоусов

• 24

• 48

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 2, No. 4, 2021

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 2, Выпуск 4, 2021

Издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Содержание

история международных отношений

- Причины и предпосылки
Первой мировой войны • 4
Ярослав Ильченко
- От индустриальной к тотальной
войне? Динамика развития
военных конфликтов
в первой половине XX века • 24
Искандэр Магадеев
- Анализ причин русско-японской
войны 1904–1905 гг. через призму
классического политического
реализма • 48
Евгений Белоусов

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Елена Бурдина

Заместитель
главного редактора
Сергей Матюшкин

Редакторы

Анастасия Лыкова
Анна Андреевских
Валерия Контрeras Кооб
Грант Бегларян
Дарина Сибуль
Евгений Кузнецов
Елена Бурдина
Кирилл Вощинский
Кирилл Ноздря
Маргарита Тимирбаева
Марина Нумарина
Равиль Шигапов
Сергей Матюшкин

Ответственный
редактор выпуска
Елена Бурдина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, К.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, К.ист.н.

Игорь Александрович
Истомин, К.полит.н.

Contents

history of international relations

- Causes of the First World War** • 4
Yaroslav Ilchenko

- From industrial to total war?
 Dynamics of the military
 conflicts' evolution during
 the first half of the 20th century** • 24
Iskander Magadeev

- Analysis of the Causes
 of the Russo-Japanese War
 of 1904–1905 within
 the Framework of Classical
 Political Realism** • 48
Evgeniy Belousov

Chief Editor

Elena Burdina

Deputy Chief Editor

Sergei Matyushkin

Editors

Anastasia Lykova
 Anna Andreevskikh
 Valeria Kontreras-Koob
 Grant Beglarian
 Darina Sibul
 Evgeny Kuznetsov
 Elena Burdina
 Kirill Voshchinsky
 Kirill Nozdria
 Margarita Timirbaeva
 Marina Numarina
 Ravil Shigapov
 Sergei Matyushkin

**Managing Editor
 of the issue**

Elena Burdina

EDITORIAL
 BOARD

**Head of the
 Editorial Board**
 Andrey Baykov, Ph.D. in
 Political Science

Irina Bolgova, Ph.D. in
 History

Igor Istomin, Ph.D. in
 Political Science

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
 +7 (495) 229-41-78

Причины и предпосылки Первой мировой войны

Ярослав Ильченко
МГИМО

РЕЗЮМЕ

Данная статья должна ответить на вопрос: «Почему началась Первая мировая война?» Будут рассмотрены геополитические интересы стран, участвовавших в Первой мировой войне, их внешняя политика, факторы, подталкивающие к конфликту, подготовка к нему, международные кризисы накануне столкновения. Особое внимание в данной работе будет уделяться Сербии, Австро-Венгрии, Германии, России, Британии и Франции. Также будут описаны события, произошедшие в Сараево, реакция держав и роль этого события в развязывании войны. Первая мировая война стала границей старого мира XIX века и нового XX века. Безусловно, она — поворотный момент в истории человечества. Без осознания причин Первой мировой войны нельзя полно увидеть картину событий XX века, споры о которых не утихают до сих пор. Она способствовала развалу 4 великих империй, формированию множества новых государств, среди которых был СССР — совершенно новое явление для того времени, необходимо было создать правила для новых реа-

лий международных отношений, с чем не справились победившие страны; появились политические движения, которые потом стали губительны для мира первой половины XX века, война стала более жестокой. Сегодня лидеры некоторых стран рассматривают вооруженные столкновения и ультиматумы, как методы решения внешнеполитических проблем. Например, еще свежи воспоминания о том, как Д. Трамп чуть не начал войну с Ираном, который является мощным политическим игроком на Ближнем Востоке, как совершились опасные для безопасности России действия со стороны Украины, которую поддерживает НАТО. Это могло привести к глобальному конфликту с большим количеством жертв, если не к гибели человечества. Современному поколению и политическим элитам всех стран необходимо помнить и всеми силами стараться предотвратить новое столкновение такого масштаба. Разобрав причины Первой мировой войны, можно будет понять, какие «ловушки» должны обойти современные игроки международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сараевское убийство, причины Первой мировой войны, Антанта, Австро-германский блок, Балканы.

Для связи с автором: ilchenko_20027@mail.ru

Causes of the First World War

Yaroslav Ilchenko

MGIMO University

ABSTRACT

This article deals with the question «Why did the First World War start?» Here will be discussed such topics as geopolitical interests of the countries which were involved in the war, international relations, the events which make the countries start the conflict, the preparation for it and international crises before the tragedy. The article deals with the policy of such countries as Serbia, Austria-Hungary, Germany, Russia, Great Britain and France. The reader will also find information about the assassination in Sarajevo, its influence on the war. World War I became the prologue to the 20th century. Without any doubt, it could be described as turning point in the history. It is impossible to understand the events of the 20th century which are discussive nowadays without the knowledge of World War I reasons. It led to the collapse of 4 empires, the creation of many new

states including the USSR which was a unique one for that time, the situation where winners of the war should have built new system of international relations, but they did not succeed. New political movements appear which were ruinous for the peace; a war became more violent since then. War and ultimatums still exist in the world as tools of foreign policy. For example, not far from now D. Trump has been about to start a war with Iran which is one of the most important political powers in the Middle East or Ukraine supported by NATO have been acting aggressively for a long time. It could lead to a new global conflict with many victims of it or even to the extinction of the humankind. Modern people should remember about the consequences and try to prevent a new big war. If the actors of the international relations understand the reasons of World War I, they can avoid that traps and prevent new tragedy.

KEY WORDS

Assassination of Archduke Franz Ferdinand causes of World War I, the Triple Entente, the Dual Alliance, and the Balkans.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Спор о причинах Первой мировой войны длится уже несколько десятков лет. Сложность ситуации заключается в том, что много архивов с разоблачающей информацией было уничтожено правительствами стран. И что важнее всего – прошло много времени с тех пор.

На протяжении нескольких десятилетий брала верх то одна, то другая точка зрения. В 1920-х было распространено мнение, что виновны все. Особенно это чувство вины было распространено среди британской общественности, в дальнейшем это будет иметь катастрофические последствия для всего мира. После Второй мировой войны в свет было выпущено несколько трудов, обвинявших в развязывании войны германское правительство. Основателем этого направления считают Луиджи Альбертини. Подкрепил это направление и Фриц Фишер. В конце 1980-х – 1990 х, Германию снова начали оправдывать. Например, Жорж-Анри Суту, Самуэль Уильямсон. Есть историки, которые говорят, что в развязывании войны виноваты все. Например, К. Кларк.^[1]

В Отечественной историографии во время войны многие политические движения и историки говорили о ней, как об освободительной, даже левые, например, Г. В. Плеханов. Долгое время на исследования оказывала влияние идеология СССР, Российская империя обвинялась в экспансиионизме. Перелом произошел только в 1960-х – 1980-х – начали говорить, что у России были свои великодержавные интересы в этой войне,

и что в этом не было ничего удивительного, увеличился интерес к военной истории, по-новому рассматривалась ее роль. Яркими представителями этого этапа являются Д. В. Вержховский, Р. Ф. Ляхов, И. И. Ростунов.^[2] Сейчас российские исследования по Первой мировой войне получили новый импульс.

В работе можно найти отсылки к таким известным монографиям, как «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» под редакцией Л. С. Белоусова и А. С. Маныкина, в которой с особой проницательностью рассмотрены глубинные причины войны и ее детали, «На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны» Я.В.Вишнякова, А. Ю. Тимофеева, Г. Милорадовича, где можно найти подробный обзор сербской истории. Также в этой работе рассматриваются «Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории» под редакцией Е.П. Серапионовой и третий выпуск альманаха «Slovencia». Кроме ряда биографий есть такие учебники, как «История внешней политики Великобритании» Капитоновой Н.К. и «История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века» В. А. Емеца, А.В. Игнатьева, «История Германии» Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. Среди иностранных авторов особое внимание уделяется М. Хейстингсу.

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО

В июне 1914 года наследник австрийского престола Франц Фердинанд, несмотря на предостережения, отпра-

[1] Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. – Москва: Array Литагент «Альпина», 2014. – С. 3.

[2] Е.Н. Мокшина, Б.С. Фадеев. Об историографии Первой мировой войны. // Социально политические науки. – 2015. – №2. – С. 27-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istoriografii-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 30.03.2021).

вился в Сараево для того, чтобы присутствовать на смотре маршей. В день приезда ничего не произошло, хотя он и его жена посетили многолюдный рынок. Супруга кронпринца сказала депутату боснийского парламента Йосипу Сунаричу: «Все сербы до единого встречают нас здесь радушно и тепло, мы очень рады, что приехали».[3] Однако на следующий день наследного принца уже ждали шесть заговорщиков. Чабринович кинул бомбу, которая отскочила от машины эрцгерцога. Кронпринц все же продолжил путь и приехал на приветственную речь мэра. Затем он решил навестить пострадавших, машина поехала по той же набережной, где была первая попытка убийства, повернула не туда и замедлила ход. Затем из ресторана вышел Гавриила Принцип, выстрелил три раза и убил Франца Фердинанда и его жену. С достаточной уверенностью можно утверждать, что убийцы были сербскими националистами, принадлежавшими организацией «Млада Босна». Но можно ли возложить вину за убийство на Сербию, как это впоследствии сделала Австро-Венгрия?

ВИНОВАТА ЛИ СЕРБИЯ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВОЙНЫ?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые события сербской истории. Изначально действия первого правителя Сербии Милана Обреновича пошли на благо страны. Он развел систему образования, создал эффективную национальную армию. Благодаря развитию армии импульс

получила национальная промышленность. Его авторитет сильно подорвала проигранная война с Болгарией и репрессивные действия для поддержания своей власти. Он также проводил проавстро-австрийскую политику, что оправдало себя сначала, но потом стало невыгодным для Сербии. Новый правитель Александр Обренович отличился необоснованными репрессиями, игнорированием воли народа в лице парламента, почти каждые полгода менялся кабинет министров. Офицеры сербской армии с напряжением наблюдали за событиями в стране и были крайне недовольны происходящим. Они видели, что развитие расцветающей страны замедляется. Кроме того, новый король сократил финансирование армии, что вызвало еще большее недовольство.[4]

После переворота и введения на престол Петра Карагеоргиевича многие непосредственные участники получили почетные должности и привилегии. Драгутин Дмитриевич, глава «Черной руки», занял второстепенный пост в армии, но его влияние было велико. В Сербии накалялась внутриполитическая обстановка. Старорадикалы начали противостояние с армией. Причем сама армия разделилась на заговорщиков, тех, кто симпатизировал заговорщикам и тех, кто осуждал переворот. Для офицеров переворот был неприемлем, так как они давали присягу королю. Капитан Милан Новакович собрал 700 подписей для отстранения от должностей офицеров, участвовавших в перевороте. Дошло до того, что в 1905 году правительство Сербии

[3] Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. – Москва: Array Литагент «Альпина», 2014. – С. 9.

[4] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович. – МГИМО-Университет, 2018. – С. 52-71.

угрозами заставило короля отправить в отставку некоторых бывших заговорщиков. Это наглядно показывает, что внутриполитическая обстановка в стране была нестабильной.[5]

Одним из оппонентов заговорщиков был ставший премьер-министром Пашич. Между премьер-министром и главой «Черной Руки» была личная вражда, сторонники которой пытались убить премьер-министра в 1913. Правительство Пашича пыталось воспрепятствовать намерениям Принципа. Благодаря осведомителю крестьянину из Боснии они узнали о Принципе и направили предостережение Австро-Венгрии, однако написали об этом в общих чертах, так как боялись слишком сильной реакции Вены.[6]

Другое доказательство того, что Сербия вела сдержанную политику по отношению к Австро-Венгрии – ее курс во время албанского кризиса. Представители великих держав 17 августа 1913 года указали правительству Сербии на тот факт, что оно не исполняет положения Лондонской конференции 1912–1913 гг. об уважении прав национальных меньшинств и на задержку ее войск на территории Албании. В то же время, по сообщениям российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, австрийскими и итальянскими агентами начали организовываться албанские шайки по 30-40 человек, чтобы сымитировать обстановку дестабилизации

в Албании. Нападения совершались в основном в районе Дебара, где располагались передовые сербские части. Вину в беспорядках дипломаты тех великих держав возложили на Сербию. Действительно, сербские войска существенно задержались на территории Албании, но тому есть оправдания. Во-первых, как заявил секретарь сербского МИД Мирослав Спалайкович российскому поверенному в делах, стратегические проходы в Сербию были в Албании. Во-вторых, по сообщениям правительства Сербии и российского посланника князя С. В. Урусова, в Албании наблюдалась анархия и раскол. В конце концов, под нажимом российского правительства, Сербия вывела свои войска.[7] Это показывает, что Сербия тесно связывала свои внешнеполитические действия с Россией и не собиралась воевать без поддержки с Австро-Венгрией.

Однако именно благодаря Димитриевичу и его приближенным оружие попало в руки боснийских сербов. Придавал ли Димитриевич этим заговорщикам особое значение? Он ответил на сообщение от В. Танкосича о планах Принципа: «Да пусти их!» - это показывает его пренебрежение.[8] Димитриевич одумался и послал Д. Шараца, чтобы предотвратить теракт, но было уже поздно.[9]

И все же правительство, наверняка понимало, что в случае войны с Австрией против Сербии может вы-

[5] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович. – МГИМО-Университет, 2018. – С. 95-107.

[6] Макс Хейстингс. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. – С. 8.

[7] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серафимонова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 283–286.

[8] Писарев Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. – М.: Наука, 1990. – С. 114.

[9] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович. – МГИМО-Университет, 2018. – С. 167-168.

ступить и Германия, и не было точно понятно, поддержит ли Россия. Кроме того, после Балканских войн Сербия сильно ослабла. Регент при Петре Карагеоргиевиче Александр как-то сказал, что сербская армия «располагает ныне, после двух Балканских войн, лишь ничтожным количеством исправных винтовок». Димитриевич тоже осознавал положение Сербии и сказал югославу С. Прибичевичу: «Нам нужно несколько лет мира, а затем придем к вам».[10] По словам Н.Г. Гартвига, сербский народ был искренне огорчен, что соотечественники совершили политическое убийство, в Белграде были отменены празднества по случаю Видова дана были отменены. После убийства Франца Фердинанда правительство Сербии выразило соболезнования Австро-Венгрии.[11]

Из выше сказанного можно сделать вывод, что Сербия была молодым государством, которое еще не имело большого опыта, его сотрясали внутренние проблемы. На момент 1914 года она не была заинтересована в новой войне, тем более против такого могущественного противника, как Австро-Венгрия. Дело было в оплошности Димитриевича и его сторонников. Проблему можно было решить, наказав причастных к поддержке Млады Босны, запретить антиавстрийскую риторику в Сербии и на этом исчерпать конфликт.

Как правильно заметил А.К. Бенкendorf по поводу сараевско-

го убийства: «Несчастье в том, что повторится вечная ошибка возложения на всю расу ответственности за преступления того или отдельного человека». К сожалению, Австро-Венгрия совершила эту ошибку. Сделала она это из национальных чувств или из политических соображений?

АВСТРО-ВЕНГРИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Во внешней политике Австро-Венгрии можно отметить следующее. После аннексии Боснии и Герцеговины государство взяло курс на мир. В 1913 году были военные маневры в Сараево, военные приготовления в Галиции, но общественное мнение по отношению к войне и биржа не менялись.[12]

Однако мирными настроениями прониклись не все чиновники Австро-Венгрии. Начальник генерального штаба Австрии Конрад фон Хётцендорф наоборот был за проведение агрессивной политики, так как переживал за проигранную австро-прусскую войну 1866 г. и желал реабилитироваться. По словам современников, он был деятельным, но некомпетентным. Большинство австрийских военачальников рассматривали войну как стандартное средство решения внешнеполитических проблем. МИД Австрии в лице Л. Берхтолльда имел двоякую позицию. Во время албанского кризиса Берхтолльд на Лондонской конференции пообещал, что с Сербией

[10] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович : МГИМО-Университет, 2018. –С. 167.

[11] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович. МГИМО-Университет, 2018. – С. 170.

[12] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 288 -290.

будут поддерживать дружественные отношения, как и с другими странами, вести выгодное экономическое сотрудничество. При этом там же он сказал: «Мы окажем лучшую услугу этой эволюции, если мы беспрерывно будем укрепляться в политическом смысле, будем находиться постоянно в боевой готовности...».[13] Из этого заявления видно, что глава МИД либо не имел определенной позиции во внешней политике, либо намеренно не выдавал настоящей позиции Австро-Венгрии, чтобы запутать других участников международных отношений.

По словам чешского радикала В. Клофача, внешняя политика страны представляла сожжение собственной риги. Он говорил, что, если ее не поменяют, это приведет к экономической катастрофе. Отстаивание независимости Албании для поддержания статуса-кво и попытки сохранить мир на Балканах сильно били по бюджету. Австро-Венгрия в ходе Балканского кризиса сильно проиграла в экспорте. Также страну покинули 350 000 человек из-за плохой экономической обстановки.[14] Австро-Венгрия все больше и больше дряхлела.

Кроме того, такое государство, как империя, должна постоянно расширяться. В противном случае, она погибнет, так как ее развитие постепенно

будет затухать, будучи неподдержаным новоприобретенными экономическими ресурсами.

Логика подсказывала Австро-Венгрии начать экспансионистскую политику. Проиграв войну с Италией и с Пруссией, империя не хотела двигаться в тех направлениях. Ей оставалось расширяться в сторону Балкан.[15]

Еще одна внутренняя проблема, связанная с международной политикой, — панславянское движение. Перед глазами славянского населения Австро-Венгрии был пример набирающего мощь балканского государства, что побуждало их к более решительным действиям.[16] Проблему можно было решить либо, наладив отношения с все более независимой Сербией, либо подчинив ее. Но с учетом вышеперечисленных факторов и условий, связанных с другими великими державами, второй вариант подходил больше.

Масла в огонь добавляли и различные слухи. Например, говорили о создании югославянской молодежью «легиона смерти», который был призван провести ряд диверсий в Австро-Венгрии в случае начала войны. Организации, объединявшиеся под лозунгами создания Великой Сербии, конечно, были, но «легион смерти» — миф. Слухи исходили из парламента[17] и подогревались газетами. После са-

[13] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 290-292.

[14] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 294-295.

[15] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 30-31.

[16] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015.

[17] Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 288.

раевской трагедии в стране началось массовое притеснение славян, усилился полицейский надзор. Так, граждане Триеста арестовывались за то, что в алкогольном опьянении сказали что-либо оскорбительное в адрес монархии. В некоторых случаях даже доходило до такой суворой меры, как тюрьма на 18 месяцев. [18]

За исключением супруги и малого круга людей, Франц Фердинанд ни у кого не пользовался симпатиями. Кронпринц не вписывался в изящный австрийский двор, так как был слишком импульсивен и имел противоположные с австрийской и венгерской знатью взгляды на внутреннюю и внешнюю политику. Супругой Франца Фердинанда была женщина, не принадлежавшая к семье монархов, что порождало насмешки со стороны придворных.

В целом, Вена никак не омрачилась после гибели кронпринца. И до этого совершались покушения на министра финансов, королевских комиссаров. Венгры считали, что принц Карл больше отвечает их интересам. Бывший германский канцлер Б. Бюлов считал, что смерть Франца Фердинанда была облегчением для многих европейских политиков. Российский дипломат в Вене Шебеко отметил, что экономика Австро-Венгрии находится в спокойном состоянии. [19]

Интересно, что уже в мае 1914 в Австро-Венгрии была создана комиссия, задачей которой было написание документа, обвинявшего Сербию в под-

рывной деятельности. После гибели эрцгерцога надо было внести только несколько дополнений. [20]

Из этого можно сделать вывод, что сараевское убийство не было для Австро-Венгрии большим ударом и не являлось основным поводом для войны, оно использовалось только как предлог для решения своих внутренних и внешних проблем.

ГЕРМАНИЯ

К началу XX века — это достаточно мощное государство. В 1890-х гг. Германия завершила промышленную революцию. Объем ее промышленности за 1895–1913 увеличился в два раза, то же самое произошло с ВВП. По-прежнему опираясь на горную и metallurgическую промышленность, Германская империя развивала наиболее наукоемкие на тот период времени отрасли — оптику, электroteхническую промышленность, машиностроение. Динамично развивались банки — «Дойче банк», «Дрезденер банк», другие, а также акционерные общества. В итоге в Германии появилось много достаточно крупных компаний, между которыми была жестокая конкуренция. К 1907 г. число малых предприятий сократилось в 2 раза по сравнению с 1887, благополучие населения омрачало неравенство. Также наблюдался стремительный рост населения — в 1895 году подданных Германской Империи было 52 млн, а в 1913 их было уже 66 млн. [21]

[18] Slovencia З.Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны // Главн. Ред. К.В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – С. 73-82.

[19] Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович : МГИМО-Университет, 2018. – С. 162-165.

[20] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М.: Международные отношения, 1997. – С.429.

[21] Б. Бонвич, Ю. В. Галактионов. История Германии. От создания Германской Империи до начала XXI века – М.: КДУ, 2008.- С. 56-61.

Интенсивное экономическое развитие, нарастание напряженности в обществе, рост численности населения, нехватка ресурсов требовали решительных действий, к которым был склонен Вильгельм II.

С приходом Вильгельма II меняются внешнеполитические задачи страны. Император, выслушав свое милитаристское окружение, обвинил канцлера в проведении слишком мягкой политики по отношению к России. Для Бисмарка в жизни существовало 2 задачи — создание Германской Империи и обеспечение ее безопасности для развития. У Вильгельма II же была наступательная политика, основу которой составляло недопущение изоляции Германии при ее развитии, изоляция возможных противников Германии — перессорить державы, затем, воспользовавшись этим, стать господствующей силой, по крайней мере в Европе.[22]

Несмотря на то, что в стране была конституционная монархия, народ обладал свободой только в сфере внутренней торговли и некоторыми правами во внутренней политике. Кайзер играл главенствующую роль во внешней политике. Проблемы этой сферы решались за закрытыми дверями. Именно Вильгельм II определял, кто будет в правительстве, и окружил себя военными.[23]

Мольтке и другие немецкие военные были фаталистами, считали, что война неизбежна.[24] В принципе,

здесь их можно понять. Николай II обладал самой большой по численности армией — 1,2 млн человек в мирное время. С каждым годом она усиливалась и к 1916 году должна была обогнать Германию в военной мощи. Франция слишком быстро реанимировалась после поражения, грезила реваншем и должна была закончить перевооружение к 1918 г. Британия с неохотой делилась колониями и соревновалась с Германией в гонке морских вооружений. Поэтому Мольтке считал, что, чем раньше начнется война — тем лучше.

Немецкие военные совершили ряд ошибок. Они действовали асинхронно с политическим истеблишментом. Они видели политику по-своему и строили военные планы без привязки к действиям дипломатов. Ради справедливости стоит заметить, что это было характерно в той или иной мере и для других великих держав. К этому стоит добавить то, что немецкие главнокомандующие основывались на опыте недавних войн, рассчитывали на быструю войну и считали ее приемлемой. Но научный прогресс не стоял на месте. За несколько десятилетий изменились способы переброски войск, огневая мощь, модифицировались армии Антанты. План же Шлиффена, который был основополагающим для Германии в войне, был рассчитан на 1905, но не на 1914.[25]

Еще одним новым негативным элементом в государственном аппарате

[22] Б. Бонвич, Ю. В. Галактионов. История Германии. От создания Германской Империи до начала XXI века. – С. 53-56.

[23] Макс Хейстингс. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. – С. 15.

[24] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 48.

[25] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 48-51.

стала мода позерства, что искажало видение реального положения дел в стране и в международных отношениях.

Такая система принятия внешнеполитических решений и мировоззрение германских лидеров, определяющих внешнюю политику, были губительны для мира.

Народ Германии представлял собой еще более могущественную и грозную силу. В нем бродили милитаристские настроения. В памяти была еще свежа победа над французами, во время правления Вильгельма II торжественно была отпразднована годовщина битвы под Лейпцигом. В такой атмосфере росли дети – они впитывали этот недавно прижившийся милитаризм и у них он уже был фактически врожденный. Считалось, что нет ничего лучше, чем сражаться с армадами противника. Будущая большая война сравнивалась с Французской революцией, она разрушила бы либеральные режимы, по их мнению, отсталый русский царизм и создала бы общество, основывающееся на справедливости и конституционной монархии. Конечно, таким настроениям подвержены были не все, но значительная часть населения. В первый же день записались добровольцами 300 000 человек, а женщины стали записываться в военные госпиталя. [26]

Какое-то время Германия пыталась не отходить от проведения более-менее дружественной политики по отношению к России. В немецкой политической мысли был такой элемент, как приверженность системе союза трех восточных монархов. Это был больше консервативный идеологический феномен, чем эф-

ективно-действующая конструкция. Во-первых, потому что Россия пыталась распространить влияние на Восточное Средиземноморье, где немцы пытались усилить свое влияние, и показала, что не собирается допустить нарушения баланса сил в Европе в пользу Германии. Во-вторых, с основной союзницей Германией – Австро-Венгрией – у России были непримиримые противоречия в виде Балкан. Союз с Россией не приносил особой пользы, только раздражал Австро-Венгрию, которая оказалась связующим мостом Германии с Ближним Востоком. [27] Поэтому после отставки консервативного Бисмарка Германия еще больше отдалась от России, хотя были попытки сблизиться снова, о чём будет говориться далее.

Зачем Берлину надо было создавать Тройственный союз? Было ли создание Тройственного союза непосредственным предвестником войны? Не совсем. Во-первых, после создания Германии и Италии уже была изменена расстановка сил, необходимо было внести корректировки для сохранения баланса. Не стоит забывать о франко-пруссском антагонизме, который предполагал объединение вокруг одного или другого противоборствующего. Во-вторых, союз Австро-Венгрии и Германии был оборонительным. Его создал Бисмарк, а у него, как уже говорилось ранее, не было цели вести новые войны. Союз просто давал гарантию того, что Берлин не останется в изоляции при сотрудничестве Франции и России, как это было при «военной тревоге» 1970. В-третьих,

[26] Б. Бонвич, Ю. В. Галактионов. История Германии. От создания Германской Империи до начала XXI века. – С.105-107.

[27] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 32-34.

он был направлен на поддержание внутриполитической стабильности в Германии, объединенной по малогерманскому пути.[28]

Несмотря на то, что были моменты, когда появлялись проблески здравого смысла в правительстве Германии по поводу возможных последствий грядущей войны, оно, к сожалению, не приняло достаточных мер для ее предотвращения.

После сараевского убийства к Вильгельму II обратились сомневающиеся австрийцы. Кайзер твердо заявил, что они получат поддержку. Затем уплыл в трехнедельный круиз во фьорды, где не было связи, заявив, что Германии ничего не угрожает. С каждым годом военная ситуация для Германии ухудшалась — страны Антанты к 1917 году должны были закончить перевооружение. Может быть, Вильгельм II надеялся на нерешительность Николая II. Была ли жесткая позиция кайзера просчетом или расчетом? Этого никто не знает. Понятно только то, что правительство Германии не предвидело последствий этого решения.[29]

РОССИЯ

Российская империя больше всех старалась сохранить мир. Проигранная русско-японская война, революция наглядно показали, что в России есть комплекс острых нерешенных проблем. Нужен был мир для обновления страны.

Одной из положительных черт российского внешнеполитического ведомства того времени является то, что оно координировало свои действия с правительством страны. Ранее все решалось ограниченной группой, а точнее царем, МИДом и военными. Благодаря Коковцову, председателю Совета министров, от этого вредного обычая начали отходить. Впрочем, принятие внешнеполитических решений совместно с другими ведомствами проходило достаточно тяжело и долго, поэтому Сазонов снова начал отходить от этой практики.[30] Тем не менее, самое главное царским МИДом было усвоено правильно — необходимо было сохранить мир на как можно больший срок, пока страна не произвела модернизацию.

Как опытный игрок Российская империя не хотела «сжигать мосты» ни с Антантою, ни с австро-германским блоком. Яркими примерами были заключение Бьеркского договора, который должен был создать военный союз, если бы был ратифицирован, и консультации с Австро-Венгрией по Балканским проблемам. Сильным ударом по отношениям стала аннексия Боснии и Герцеговины Австрией. Англия и Франция оказали моральную и дипломатическую поддержку России и отправили войска на Мальту, сконцентрировали больше войск на границе с Францией, перевели флот в боевую готовность, однако все эти действия были неуверенными и запоздалыми — оба государства не были

[28] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 30-31.

[29] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 57-60.

[30] История внешней политики России. Конец 19 – начало XX века. – С. 295-299.

готовы. Были и весьма агрессивные действия Австрии, и зловещие заявления Германии России о том, что, если царь не пойдет на уступки, кайзер не отвечает за действия австрийцев. Правительство Николая II прекрасно понимало, что Россия пока не сможет оружием отстоять свои интересы. Аннексия была принята, что потом себя оправдало.^[31] Однако это событие положило начало практике решения вопросов жесткими действиями.

Российские государственные деятели все равно не теряли надежды на сохранение нейтралитета в возможном европейском конфликте и предпринимали конкретные шаги. Управляющий МИД Чарыков предложил концепцию балканского трио, которая подразумевала сотрудничество между Австро-Венгрией, Германией и Россией. Предполагалось, что статус-кво на территории Балкан будет сохраняться, его гарантом была бы Германия. Также она поддержала бы Россию в Персии, в вопросе черноморских проливов, а также касательно Адриатическо-Дунайской железной дороги. Взамен — нейтралитет в ходе англо-германской войны. Столыпин был категорически против, так как это наносило удар по блоковой политике. Царь все же дал согласие на попытку установить такие отношения, хотя инициатора сближения и сместили с поста. Попытка оказалась неудачной — Вильгельм II и его правительство восприняли это, как уступки со стороны ослабевшей России, и заявили, что они не будут подписывать согла-

шение, которое ограничивало бы интересы Австрии.^[32] Еще одно значимое событие — встреча 4–5 ноября 1910 г. прошла более успешно. Были обсуждены вопросы, касающиеся строительства Россией железных дорог на участке Ханекин — Тегеран, Германия отказывалась от концессий в северной Персии. Это не решало всех глубоких проблем, в том числе европейских и связанных с Ближним Востоком, но прогнозы дальнейшего развития отношений были позитивными. В этот раз Германская империя была готова усмирить Габсбургов для того, чтобы внести разлад в лагерь своего противника, но в этот раз уже Россия не была готова. Сazonov вел весьма осторожную политику и не подписал договора.^[33]

Другим интересным сюжетом российской политики в преддверии Первой мировой войны являются ее действия на Балканах и политика в Средиземноморье. Здесь ее правительство пыталось построить уникальную комбинацию.

После аннексии Боснии и Герцеговины угроза конфликтов на Балканах стала еще больше. Австро-Венгрия не собиралась останавливаться на достигнутом, славянские страны жаждали улучшения безопасности и своего положения, Османская империя находилась под немецким влиянием, которое с каждым днем крепло. Поэтому Российская империя ставила себе 3 задачи: создать на Балканах союз из славянских народов для противодействия Австро-Венгрии; не дать рас-

[31] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – С. 251-252.

[32] Там же. С. 258-260.

[33] Там же. С. 265-267.

пасться Османской Империи раньше времени, Россия пока не была готова; организовать сотрудничество Османской Империи и славянских народов для противодействия Австро-Венгрии.[34] К тому же царское правительство решило привлечь и Италию для сопротивления расширению Австро-Венгрии. Соглашение Италии и Российской Империи в Раккоинджи отдалило Италию от австро-венгерского блока и приблизило к Антанте, однако, на взгляд автора, соглашение в дальнейшем оказалось ошибкой. Она заключалась в том, что Россия признала интересы Италии в Киренаике и Триполитании — территориях Османской Империи. Россия не предвидела, что военные действия потом перенесутся на территории, прилегающие к Стамбулу, что наносило экономический ущерб России и Англии. Попытки создать союз между славянскими государствами сначала были неудачны. И все же это удалось сделать, однако результат был далеко не таким, какой ожидал МИД Российской империи. Они объединились не для противодействия Австро-Венгрии, а для военного решения споров с султаном касательно притеснений греческого населения на турецких островах, недовольства населения в Македонии и других. Балканские народы воспользовались тем, что Османская империя была истощена войной с Италией. Также не оправдался расчет Российской империи на поддержку союзников. Это привело к тому, что пожар в регионе становился все больше, и эти конфликты еще больше укрепили практику реше-

ния проблем силой. Все же, если сравнивать Российскую империю с другими державами, она отличалась наибольшей миролюбивостью и сделала все возможное для сохранения мира.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Великобритания была одной из решающих фигур того времени. Она играла роль балансира между великими державами. Пока она сохраняла неопределенную позицию, на континенте царил мир. Однако в июле 1902 года в отставку отправили лорда Солсбери, который был проводником данной политики. Началось сближение с Францией. Почему?

Дело в том, что существовала угроза изоляции, если Лондон оставался в стороне. Франция и Россия уже урегулировали вопросы, касающиеся Азии и Африки. Изначально симпатии «владычицы морей» были на стороне Тройственного союза. Но были существенные моменты, которые склонили ее на сторону Антанты. Во-первых, хотя Великобритания в сфере финансов и торговли занимала первое место, Германия обогнала ее в промышленной мощи. В принципе, Лондон смирился с этим, но Берлин продолжал расти и в других сферах экономики.[35] Во-вторых, Германия ясно дала понять, что ей нужны колонии, а их основное количество уже было занято Англией и Францией. Немцы же перешли от слов к делу — передача Германии Китаю порта Циндао, приграничная территория попала в сферу влияния, а также конфликт британской короны и кай-

[34] Там же. С. 263-264.

[35] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 35-36.

зера из-за алмазов в Южной Африке. В-третьих, Англию беспокоил динамично развивающийся немецкий флот. Вряд ли он мог угнаться за английским, однако в случае войны могли быть нанесены ощущимые потери. Развитие союзнических отношений с Германией представлялось для британского правительства менее предсказуемым, чем сближение с Францией и Россией. В итоге были урегулированы колониальные споры с Францией. Ей отдали Центральную и Западную Африку, Марокко, а Британии — Восточную и Южную, Египет. Прошло и согласование интересов с российским правительством в 1907 году. Момент был выбран подходящий — России надо было восполнять военные неудачи от японцев дипломатическими победами. Были достигнуты договоренности касательно Персии и Афганистана, по сути утверждавшими преимущество Британии в этой стране, при том, что России не дали расширяться в сторону Тибета. Последнее было наиболее оскорбительным.[36]

Однако сближение с Антантою еще не значило присоединение к ней. Либеральные и экономические круги Великобритании были против. Например, известный либеральный публицист Н. Энджел называл «великим заблуждением» тезис о том, что война с Германией может принести какую-то пользу.[37]

Не раз осуществлялись попытки Британии и Германии сблизиться. У Великобритании было несколько причин сделать это. Во-первых, него-

довали либералы, в среде которых преобладали пацифистские настроения. Они также были недовольны сотрудничеством с Россией на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Во-вторых, англичане были против растущих расходов на содержание и улучшение флота. Делалось это и для того, чтобы иметь возможность сделать наивыгоднейший выбор в решающий момент. И в 1909, и в 1911, и в 1913 гг. делались попытки по сглаживанию противоречий между Англией и Германией. Договорились дать возможность Берлину полностью контролировать Багдадскую дорогу, не мешать притоку британского капитала туда, взамен — в Персидском заливе немцы не строили порт и не вмешивались в строительство участка от Басры до залива. Договор был заключен в 1914 г. [38] Для того, чтобы Британия не вступала в войну, немцы отказались от идеи обогнать флот «владычицы морей». Однако все англо-немецкие договоренности не решали ключевых противоречий. Соглашения с Францией и Россией были гораздо более основательными.

Ведутся споры о том, что Британия официально занимала позицию неприсоединения к какому-либо блоку, чтобы заманить Берлин в войну. Но об этом тяжело судить, так как достоверно неизвестно, как отреагировал бы импульсивный Вильгельм II, если бы Лондон проявил решительность. С другой стороны, кайзер в минуты опасности проявлял благородство, как это было при Марокканском кризисе, борьбе за Южную Африку. Определенная по-

[36] Капитонова Н. Романова Е. История внешней политики Великобритании. — С. 208-217.

[37] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — С. 37-38.

[38] Капитонова Н. Романова Е. История внешней политики Великобритании. — С. 221-223.

зиция Англии могла бы отрезвить австро-германский блок.[39] Другой аргумент, что Великобритания понимала, что неопределенная позиция может привести к войне — масштабные военно-морские маневры накануне войны, укрепление базы ВМС в Скапа-Флоу, которая стала крупнейшей базой Британии.[40] Если Лондон специально проявлял нерешительность, чтобы затянуть Германию в войну, то это было ошибкой — никто не мог представить себе, какая война ждет мир. Можно объяснить нерешительность Великобритании тем, что основная масса либералов к началу войны продолжала выступать против боевых действий.[41] Их удалось уговорить только тогда, когда кайзер покусился на свободу Бельгии, что противоречило идеологическим установкам. Важнее даже было то, что Бельгия — удобный плацдарм для переброски войск на Британские острова и экономически важная территория.

И все же складывалась ситуация, когда франко-русский союз был примерно равен по силам австро-германскому. В случае победы одна из сторон значительно усиливала свои позиции, а Великобритания оставалась в изоляции.[42] Такой расклад Англии был ни к чему.

ФРАНЦИЯ

Хотя Франция была раздавлена Бисмарком, она достаточно быстро

смогла реанимироваться. Существует мнение, что через 30 лет желания вернуть Эльзас и Лотарингию утихли, однако, в действительности, они все равно оставались. Это затрагивало национальную гордость французов, эти районы играли большое экономическое значение. Правительство Франции также хотело взять под контроль вообще весь Саарский регион, тем самым обретя мощную промышленную базу, а также отобрать немецкие колонии. Таким образом, Франция хотела изменить баланс сил в Европе в пользу себя. Хотя, разумеется, первоочередной задачей было обеспечить национальную безопасность.

Французские политики прекрасно понимали, что Германия хотела властвовать в Европе безраздельно. Французы понимали и то, что кайзер в активном поиске колоний. Два Марокканских кризиса наглядно показали, что противоречия между странами велики. Во время первого кризиса ожесточенно велись переговоры даже по мелочам. Пугал Францию и мощный Тройственный союз.

Поэтому французское командование почти сразу после поражения в 1870 г. начало разработку стратегии, которая в итоге получила название «План 7». Однако она содержала существенные просчеты. Один из них — основной удар французский генералитет решил направить в район Лотарингии, а бельгийскому направлению решили уделять не так много внимания. Это показывает, что военная мысль Франции

[39] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — С. 61.

[40] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета., 2014. — С. 59.

[41] Капитонова Н., Романова Е. История внешней политики Великобритании. — С. 226-227.

[42] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — С. 44.

застряла в эпохе 1870-х гг. Ошибкой было и то, что генерал Жоффр считал, что Великобритания обязательно поможет, хотя никаких юридических гарантий не существовало. Он также не развел модернизацию системы подготовки резервистов, которую пытался провести его предшественник. [43]

Французскую армию нельзя было назвать сильной, она отставала от армии блока противника не только количественно, но и качественно. Все новшества — авиация, пулеметы, новейшие образцы артиллерии, телефонная связь — воспринимались французскими военачальниками с долей брезгливости, ставка делалась на боевой дух и патриотизм солдат.

Политики Третьей республики сначала заключили в 1893 г. союз с Россией, которая тоже к тому времени переживала охлаждение отношений с Германией. С Россией было меньше противоречий, чем с Англией, но, когда союзница увязла в войне с Японией, пришлось быстро искать нового союзника — наиболее подходящей по мощи и целям стала уже Великобритания. Хотя у них были противоречия в Марокко и в верхней части Нила, контроль над которой позволял регулировать поставки пресной воды [44], обе державы были заинтересованы в сохранении уже имеющихся колоний.

Франция так же, как и Великобритания, не оказала Российской Империи большой поддержки в балканских делах, в ответ Россия не дала необходимой французам поддержки при Марокканском кризисе. При запросе французской стороны о возможности

оказания военной помощи, Российская империя просила не доводить дело до крайности и заявила, что она еще не готова к военным действиям. Хотя стоит отдать должное, правительство Николая II и он сам многократно пытались уговорить и Германию, и Францию остановить конфликт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, был рассмотрен комплекс причин и предпосылок, подтолкнувших страны к Первой мировой войне. Какие выводы можно сделать?

Одна за другой предпосылки провоцировали события, которые вели к войне. Мир на рубеже XIX - XX веков значительно ускорился. Наступила эпоха романтизма, росли имперские амбиции держав. Свободного пространства оставалась все меньше и меньше. Для того, чтобы избежать упадка и взрыва недовольства внутри страны, приходилось открывать новые рынки добычи и сбыта.

И все же нехватка колониальных земель не была самым опасным фактором. В самой Европе не осталось свободного места — с созданием Германии, Италии и балканских государств исчезли нейтральные территории, которые европейские государства старались не трогать для соблюдения статуса-кво. Причем новые государства более амбициозны и воинственны, чем старые, так как им надо приложить много усилий, чтобы остаться на плаву.

Балканы являлись постоянным очагом нестабильности ввиду исторической эволюции, постоянного наращивания вооружений, проснувшихся националь-

[43] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 52.

[44] Капитонова Н., Романова Е. История внешней политики Великобритании. – С. 219.

ных амбиций. Балканы были и ключевым логистическим регионом. Ни одна держава не могла здесь уступить.

Двадцатый век стал веком, когда в катастрофу попадали целые народы из-за политической слепоты лидеров. Причем велика и вина военных в этом деле. Большой «вклад» внесли милитаристские правительства Германии и Австро-Венгрии. Правящие круги этих стран постепенно превратили ведение внешней политики в средство обеспечения своей экспансии, забыв, что ее целью являлось и сохранение мира.

Новый мир принес новые тенденции. Старая модель консервативного союза восточных монархов и либераль-

ная мирная политика Великобритании устарели. Изменения в привычной Венской системе и страх остаться в изоляции подталкивали страны собираться в союзы. С учетом существования противоборствующих Франции и Германии образовалось два полюса, но такая система только на время смогла сохранить мир. Слишком велико было напряжение между великими державами.

Все это стало причинами войны – изжившая себя система международных отношений, страх за безопасность собственных государств, имперские амбиции, личностный фактор, всеобщее недоверие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонвич Б. История Германии. От создания Германской Империи до начала XIX века: учебное пособие: в 3 тт. / Б. Бонвич, Ю. В. Галактионов. – Москва: КДУ, 2008. – 672 с.: ил.- ISBN 978-5-98227-257-7. – Текст: электронный.
2. Вишняков Я. В. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917 / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович. – Москва: МГИМО-Университет, 2018. – 510 с. : ил.
3. Е.Н. Мокшина, Б.С. Фадеев. Об историографии Первой мировой войны // Социально политические науки. – 2015. – №2. – С. 27-32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istoriografii-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 30.03.2021).
4. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. / В.А. Емец, А.В. Игнатьев [и др.]; под редакцией В.А. Емцова, А.В. Игнатьева, С.В. Тютюкина, Е.Г. Кострикова. – Москва: Международные отношения, 1997. – 672 с. – ISBN 5-7133-0923-1. Текст: электронный.
5. Капитонова Н.К. История внешней политики Великобритании: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение» / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. –Москва: Международные отношения, 2016. - 838 с.: портр.; ISBN 978-5-7133-1528-3.– Текст: электронный.

6. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А. С. Маныкина ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва : Московский Государственный Университет, 2014. – 832 с. : ил.
7. Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2015. – 680 С.
8. Писарев Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. / Ю.А.Писарев. – Москва:Наука,1990. – с.218. – ISBN 5-02-010009-9. Текст:электронный.
9. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны / Ю. А. Писарев. – Москва: Наука, 1985. – с. 285. – ISBN В пер. (В пер.) : 2 р. – Текст: электронный.
10. Путятин. В. Сараевский выстрел Гаврилы Принципа: сербские националисты и русский царь ни при чём / В. Путятин – Текст: электронный // histrf.ru: информационный портал. – 2016. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/saraievskii-vystriel-gavrily-prinitsipa-sierbskiiie-natsionalisty-i-russkii-tsar-ni-pri-chiom> (дата обращения: 30.03.2021).
11. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / Макс Хейстингс. – Москва: Array Литагент «Альпина», 2014. – 356 с. – ISBN 978-5-9614-3599-3. – Текст: электронный.
12. Чиркович С.М. История сербов / С.М. Чиркович; пер. с сербскохорв. – Москва: Издательство«Весь Мир»,2009.–448с.–ISBN 978-5-7777-0431-3.–Текст:электронный.
13. Slovencia III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / Главн. Ред. К.В. Никифоров. –М.:Институт славяноведения РАН, 2014 – 298 с.

REFERENCES

1. Bonvech B. Iстория Germanii. Ot sozdaniya Germanskoy Imperii do nachala 21 veka: uchebnoe posobie: v 3 tt. [Germany's History. From the German Empire Foundation to the Beginning of the 21st Century: Student's Book] / B. Bonvech, YU. V. Galaktionov – Moscow: KDU, 2008. – 672 p.: il. – ISBN 978-5-98227-257-7.
2. CHirkovich S.M. Iстория сербов [History of the Serbs] / S.M. CHirkovich; translated from Serbian. – Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. – 448 p. – ISBN 978-5-7777-0431-3.
3. E.N. Mokshina, B.S. Fadeev. Ob istoriografii Pervoj mirovoj vojny. [On the Historiography of the 1st World War] // Social'no politicheskie nauki. [Social and Political Science] – 2015. – №2. – P. 27-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istoriografii-pervoy-mirovoy-voyny> (access date: 30.03.2021).
4. Hejstings M. Pervaya mirovaya vojna. Katastrofa 1914 goda [The 1st World War: The 1914 Disaster] / Maks Hejstings. – Moscow: Array Litagent «Al'pina», 2014. – 356 p. – ISBN 978-5-9614-3599-3.
5. Iстория vneshej politiki Rossii. Konec 19 – nachalo 20 veka. [Russia's Foreign Policy History. The end of 19th – the beginning of the 20th century] / V.A. Emec, A.V. Ignat'ev [et al.]; edited by V.A. Emcova, A.V. Ignat'eva, S.V. Tyutyukina, E.G. Kostrikova. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 1997. – 672 p. – ISBN 5-7133-0923-1.
6. Kapitonova N.K. Iстория vneshej politiki Velikobritanii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyam podgotovki i special'nostyam «Mezhdunarodnye otnosheniya» i «Regionovedenie» [Great Britain's Foreign Policy History: Student's Book] / N. K. Kapitonova, E. V. Romanova. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. - 838 s.: portr.; ISBN 978-5-7133-1528-3. – Tekst: elektronnyj.
7. Pervaya mirovaya vojna i sud'by evropejskoj civilizacii [The 1st World War and the Fate of the European Civilisation] / L. S. Belousova, A. S. Manykina. – Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. – Moscow: Moskovskij Gosudarstvennyj Universitet, 2014. – 832 p. : il.
8. Pervaya mirovaya vojna i sud'by narodov Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy: ocherki istorii [The 1st World War and the Fate of Central and Eastern Europe Peoples: History Outline] / E.P. Serapionova. – M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2015. – 680 p.
9. Pisarev YU. A. Tajny pervojoj mirovoj vojny. Rossiya i Serbiya v 1914–1915 gg. [The 1st World War Mysteries. Russia and Serbia in 1914-1915] / YU.A. Pisarev. – Moscow: Nauka, 1990. – p. 218. – ISBN 5-02-010009-9.

10. Pisarev YU.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoij mirovoj vojny [Great Powers and the Balkans ahead of the 1st World War] / YU. A. Pisarev. – Moscow: Nauka, 1985. – p. 285. – ISBN V per. (V per.) : 2 r.
11. Putyatin. V. Saraevskij vystrel Gavrily Principa: serbskie nacionalisty i russkij car' ni pri chyom [Gavrila Principa's Shot in Sarajevo: Serbian Nationalists and the Russian Tsar Not Involved] / V. Putyatin. – 2016. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/saraievskii-vystrel-gavrily-prinzipa-sierbskiie-natsionalisty-i-russkii-tsar-ni-pri-chiom> (access date: 30.03.2021).
12. Slovencia III. Pervaya mirovaya vojna v politike i kul'ture russkih i slovencev. K stoletiyu nachala Pervoij mirovoj vojny [Slovencia III. The 1st World War I in the Politics and the Culture of the Russians and the Slovenes. For the 100th Anniversary of the 1st World War] / K.V. Nikiforov. – M.:Institut slavyanovedeniya RAN, 2014 – 298 p.
13. Vishnyakov YA. V. Na dal'nih rubezhah. Rossiya i Serbiya v gody Pervoij mirovoj vojny. 1914–1917 [Far Frontiers. Russia and Serbia in the 1st World War. 1914-1917] / YA. V. Vishnyakov, A. YU. Timofeev, G. Miloradovich. – Moscow : MGIMO-Universitet, 2018. – 510 p. : il.

От индустриальной к тотальной войне? Динамика развития военных конфликтов в первой половине XX века

Искандэр Магадеев
МГИМО

РЕЗЮМЕ

Цель статьи — выявить те факторы и обстоятельства, которые не укладываются в представление о нарастающей «тотализации» и «индустриализации» войны в первой половине XX века. Автор стремится определить лакуны и «белые пятна»: те явления, которые выпадают из представлений о динамике развития военных конфликтов как о пути от Первой ко Второй мировой войне и Второй Тридцатилетней войне 1914 – 1945 гг. При этом речь идет не столько о том, чтобы «развенчать» концепцию «тотализации» войны, сколько точнее определить степень ее применимости при анализе разнообразных и комплексных исторических явлений, наметить пути для дальнейшего исследовательского поиска. Сначала автор выявляет внутренние факторы, ограничивавшие процесс «тотализации» вооруженных конфликтов, затем указывает на ряд событий, не укладывающихся в указанную концепцию или дополняющих ее, наконец, в завершение он намечает возможности для дальнейшей ее разработки.

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Если определение того или иного конфликта в качестве «тотального» может служить средством анализа его черт и особенностей, то нередко складывается

обратная ситуация. Сама «тотальность» войны требует объяснения, являясь результатом воздействия целого ряда факторов, итогом конstellации уникальных по-своему, как и многое в человеческой истории, обстоятельств. Представление о «магистральной линии» развития военных конфликтов в первой половине XX века в виде нараставшей «тотализации» и «индустриализации» войны не покрывает всего разнообразия и внутренней сложности исторического процесса. Факторы, стимулировавшие развитие процессов «тотализации» (государства, технологии, идеологии), одновременно содержали в себе внутренние лимиты на развитие данных процессов до предела. Концепция «тотальной войны» оставляет за скобками ряд важных обстоятельств, влиявших на эволюцию военного дела и военных представлений в 1914 – 1945 гг.: роль человеческого фактора и специфических оперативно-стратегических условий конфликта, значение колониальных и «малых войн» межвоенного периода. При этом указанная концепция продолжает оставаться ценным исследовательским инструментом и может быть дополнена наработками из сферы социально-экономической истории, а также «мир-системной» теории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Тотальная война, индустриальная война, военные конфликты, Первая мировая война, Вторая мировая война, межвоенный период.

From industrial to total war? Dynamics of the military conflicts' evolution during the first half of the 20th century

Iskander Magadeev

MGIMO University

ABSTRACT

This essay aims at defining the “white spots” in the conception of the growing totalisation and industrialisation of warfare in the first half of the century. The author tries to explore the events and circumstances which fall out of the idea that there was a direct link between WWI and WWII, defended by some scholars, who prefer to speak about the “Second Thirty Years’ War” of 1914 – 1945. The article does not seek to debunk the conception of the warfare totalisation, but to precise the field of its application and to outline the ways of its further development. Firstly, the author analyses the inner factors which limited the totalisation process; secondly, he explores the events which did not match precisely the total war conception; finally, he gives his opinion about the lines to improve and to enrich the set of ideas about the war evolution in the first half of the 20th century.

The main conclusions of the essay are as follows. The definition of a military conflict as “total” could be an instrument of its analysis; nevertheless, the situation could be the opposite one. The “totality” of the conflict itself often

should be the object of the explanation, being the result of the many different factors, the constellation of the unique circumstances, as it happens not infrequently in the human history. The idea of the growing totalisation and industrialisation of warfare as the trunk line of the military evolution in the first half of the 20th century does not cover the whole range of the historical events in their diversity. The factors which stimulated the totalisation of warfare (states, technologies, and ideologies) in the same time put the inner limits on this process, preventing it from becoming absolute. The “total war” conception also leaves aside some important circumstances, which influenced the military conflicts and doctrine in 1914 – 1945, eg., the role of the “human factor”, the specific operative and strategic environment of a conflict, the significance of the colonial and “small” wars of the interwar period. Nevertheless, this conception continues to be a valuable research instrument, especially, if it is enriched with the ideas taken from social and economic history and the “world system” theory.

KEY WORDS

Total war, industrial war, military conflicts, First World War, Second World War, interwar period.

Contact the author via iskander2017@yandex.ru

Первая половина XX века, ознаменованная двумя мировыми войнами, которые принесли колоссальные людские жертвы и разрушения, нередко анализируется как особый период в истории человечества – т.н. Вторая Тридцатилетняя война, продолжавшаяся с 1914 по 1945 г. Авторы, прибегающие к использованию подобной терминологии, стремятся, среди прочего, подчеркнуть взаимосвязь между событиями Первой мировой и Второй мировой войны, рассматривая конфликт 1939 – 1945 гг. как своеобразное продолжение, «второй акт» столкновения, начавшегося в 1914 г. [1] Для них характерно «понимание двух мировых войн как единого комплекса» [2]. Как писал, например, авторитетный американский социолог Ч. Тилли, «трещины, возникшие при урегулировании после Первой мировой войны, были провозвестниками тех разломов, которые случились в конце Второй мировой войны» [3].

Пожалуй, особенно острый характер дискуссии о подобном континуитете приняли в Германии, поскольку они были непосредственно связаны с вопросом о месте нацизма в немецкой истории. Западногерманский историк Ф. Фишер, выдвинувший в 1960-е гг. тезис о первоочередной ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны, подчеркивал своеобраз-

ную преемственность между «рывком к мировому господству», который предприняли кайзеровский и нацистский рейх: «... идеалы и претензии на гегемонию становятся яснее, ведь, пусть и в более масштабном виде и при бесчеловечных методах, они воздействовали на ход германской истории вплоть до 1945 г.» [4].

Идея континуитета, пронизывающего ключевые события первой половины XX века, используется также при анализе внутреннего характера и особенностей военных конфликтов, пришедшихся на этот период человеческой истории. Концепция «тотальной войны» является одним из важных методологических инструментов в этом отношении.

Так, французский историк П. Микель писал в начале 1980-х гг. о том, что Первая мировая война «уже была «тотальной» войной и должна восприниматься сегодня именно в этом качестве. Ее ужасы стали провозвестником [XX века]» [5]. Схожий тезис просматривается в более позднем утверждении другого автора, британского историка П. Брендона. С его точки зрения, «траншеи Первой мировой войны сравнивали с концентрационными лагерями Второго мирового конфликта. Так оно и было, если говорить об адских страданиях, происходивших в обоих случаях. Согласно этой аналогии, Верден был

[1] Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне / И.Э. Магадеев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61. – Текст: непосредственный.

[2] Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год / Р.А. Сетов. – М.: Макс Пресс, 2019. – С. 11. – Текст: непосредственный.

[3] Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – С. 246. – Текст: непосредственный.

[4] Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 20. – Текст: непосредственный.

[5] Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – Р. 7. – Текст: непосредственный.

Освенцимом» [6]. Наконец, идея нарастающей «тотализации» вооруженных конфликтов в период с Гражданской войны в США 1861 – 1865 гг. до Второй мировой войны – конфликта, в наибольшей степени приблизившегося к «идеальному типу» (в терминах немецкого социолога М. Вебера) тотальной войны – пронизывает 5-томный сборник статей, изданный в 1997 – 2005 гг. под эгидой Германского исторического института в Вашингтоне [7]. Во многом эта коллекция исследований и поныне остается примером наиболее полного изучения истории военных конфликтов 1861 – 1945 гг. с опорой на концепцию «тотальной войны».

При всей дискуссионности самой дефиниции «тотальной войны» выделяется, как минимум, четыре ее варианта [8] – ряд исследователей подчеркивают взаимосвязь между такими понятиями, как «тотальная» и «индустриальная война», а также между реалиями, которые фиксируют эти концепты. Наряду с теми экспертами, которые считают ключевыми характеристиками «тотальной войны» размытие границ между тылом и фронтом, радикальные цели одной или нескольких сторон в войне (уничтожение противника), утверждение новых форм власти и иерархий

(растущее подчинение граждан государству, а гражданских лиц – военным руководителям), существует еще одна группа авторов. Если суммировать их точку зрения, для них «тотальная война» означает промышленную и идеологическую мобилизацию всего населения воюющими правительствами. Акцент сделан в данном случае не на военных действиях как таковых, а на том, какой масштаб производительных сил задействован для ведения войны, а также на управлении подобными усилиями с опорой на государственную бюрократию, пропаганду и цензуру» [9].

Так, согласно британскому историку Э. Гэтту, главная особенность «тотальной войны» состояла в «высокой степени мобилизации вместе с высоким уровнем ВНП [валового национального продукта], выделяемого, главным образом, на массовое промышленное производство средств ведения войны» [10]. Вместе с тем понятия «тотальная война» и «индустриальная война» не являются тождественными. В случае двух мировых войн широкомасштабная промышленная мобилизация стала одной из основ для ведения «тотальной войны», однако исследователи подчеркивают, что колossalный уровень насилия и уничтожения может быть достигнут

[6] Brendon P. The Dark Valley: A Panorama of the 1930s. / P. Brendon – London: Jonathan Cape, 2000. – P. 3. – Текст: непосредственный.

[7] On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / ed. by S. Förster, J. Nagler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 705 p. – Текст: непосредственный; Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871 – 1914 / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p. – Текст: непосредственный; Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 531 р. – Текст: непосредственный; The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919 – 1939 / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 376 р. – Текст: непосредственный; A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937 – 1945 / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 392 р. – Текст: непосредственный.

[8] Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War / P.K. Saint-Amour // Critical Inquiry. – 2014. – Vol. 40. – No. 2. – P. 429. – Текст: непосредственный.

[9] Ibidem.

[10] Gat A. War in Human Civilization / A. Gat. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 527–528. – Текст: непосредственный.

и при помощи весьма примитивных технологий и средств (как, к примеру, в ходе геноцида в Руанде в 1994 г.) [11].

Хронологии развития «тотальной» и «индустриальной войны» также совпадают не во всем. Согласно оценке американского историка У. Мак-Нила, «индустриализация войны может быть датирована 1840-ми годами, когда железные дороги и полуавтоматизированное массовое производство вкупе с прусскими казеннозарядными пушками и французскими экспериментами в действовании силы пара для противостояния британскому морскому превосходству стали преобразовывать военные учреждения предшествующего времени» [12].

Краткая характеристика современного историографического контекста, связанного с дискуссиями вокруг феноменов и понятий «тотальная» и «индустриальная война», позволяет сформулировать цель данной статьи. Она состоит в том, чтобы выявить те факторы и обстоятельства, которые не укладываются в представление о нарастающей «тотализации» войны в первой половине XX в. Автор стремится определить лакуны и «белые пятна»: те явления, которые выпадают из обрисованных выше представлений о динамике развития военных конфликтов. При этом речь идет не столько о том, чтобы «развенчать» концепцию «тота-

лизации» войны, сколько о том, чтобы точнее определить степень ее применимости при анализе разнообразных и комплексных исторических явлений, наметить пути для дальнейшего исследовательского поиска. Сначала автор выявляет внутренние факторы, ограничивавшие процесс «тотализации» вооруженных конфликтов, затем указывает на ряд событий, не укладывающихся или дополняющих указанную концепцию, наконец, в завершении он намечает возможности для дальнейшей ее разработки.

ВНУТРЕННИЕ ЛИМИТЫ «ТОТАЛИЗАЦИИ»

Если исходить из представления о том, что государства, технологии и идеологии являются ключевыми инструментами «тотализации» войны [13], то они содержат в себе и внутренние лимиты на развитие подобного процесса до предела.

В значительной мере рост функций государства и степени государственного контроля над различными сферами социально-экономической жизни связан с тенденциями на «тотализацию» войну. Два мировых конфликта колossalным образом расширили вмешательство государственной власти в экономику и социальную сферу [14]. Мировые войны также продемонстрировали «увеличивающуюся возможность [правительств]

[11] The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – P. 131. – Текст: непосредственный.

[12] Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в XI – XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – С. 300. – Текст: непосредственный.

[13] Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия / И.Э. Магадеев; отв. ред. А.А. Богдашкин // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). – Воронеж: Научная книга, 2017. – С. 5–18. – Текст: непосредственный.

[14] Marwick A. War and social change in the twentieth century: A comparative study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p. – Текст: непосредственный.

мобилизовать национальные ресурсы — возможность, зависящую, в первую очередь, от расширявшихся функций государства. Основные участники Первой и Второй мировых войн отдавали на военные цели более 50 процентов своего национального дохода — соотношение, которое не было достигнуто ни ранее, ни позднее» [15]. Согласно оценкам британского историка М. Харрисона, в 1943 г. на военные расходы основных участников конфликта приходилась колоссальная часть национального дохода: 42 – 43% (США), 55% (Великобритания), 61% (СССР), 70% (Германия) [16].

В этом смысле степень «тотальности» войны серьезным образом зависела от характера государств, участвовавших в ней. То обстоятельство, что правительства стран-участниц Первой мировой войны обладали меньшим контролем и властью над обществами рассматривается как важный фактор, сделавший конфликт 1914 – 1918 гг. менее «тотальным», чем Вторая мировая [17]. Отнюдь не солидаризируясь с отождествлением СССР и Третьего рейха, нельзя не отметить, что масштаб государственного контроля, достигнутый над обществом и экономикой в этих двух государствах, был колоссальным. С точки зрения ряда современников, феномен «тотальной войны» был неразрывно связан с наличием «тотального» или «тоталитарного» государства. Так, например, дипломат

и глава Департамента политической разведки МИД Великобритании Р. Липер в записке от 7 июля 1941 г., размышляя о потенциальных последствиях провала германского «блицкрига» в СССР, отметил: «Германская тактика блицкрига основана на допущении о быстрой победе, на политике «выиграл или проиграл». До этого им всегда удавалось выигрывать, и выигрывать быстро. Однако что случится, если они промахнутся и им придется начать заново? Тотальная война успешна против тех, кто не до конца принял ее последствия, однако Россия, где государство столь же тоталитарно, как и в Германии, приняла последствия тотальной войны в полной мере» [18].

Вместе с тем, каким бы «тотальным» ни было то или иное государство, его возможности по мобилизации экономики и населения отнюдь не безграничны. Ни одно государство не могло направить абсолютно все имеющиеся у него экономические, людские и иные ресурсы на ведение боевых действий. В этом смысле осуществляемая государством мобилизация ресурсов всегда будет частичной, «нетотальной», хотя бы в силу того, что часть из них нужна для поддержания самой государственной, экономической и иных систем, обеспечивающих ведение войны. В связи с этим некоторые британские историки-экономисты полагают, что траты такой развитой экономикой, как британская, около 50% ВНП на воен-

[15] Imlay T. Total war / T. Imlay // Journal of Strategic Studies. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 553. – Текст: непосредственный.

[16] Harrison M. The economics of World War II: an overview / M. Harrison // The economics of World War II: Six great powers in international comparison / ed. by M. Harrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 21. – Текст: непосредственный.

[17] Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С. 11. – Текст: непосредственный.

[18] Цит. по: Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // The Journal of Slavic Military Studies. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 684. – Текст: непосредственный.

ные нужды в 1939 – 1945 гг. по сути и являлась «тотальной мобилизацией» [19].

При этом расширение государственных функций и контроля само по себе не гарантирует эффективности мобилизационных мероприятий с точки зрения ведения войны. Так, оценивая усилия Германии в Первой мировой войне, американский историк Дж. Уинтер полагал, что «немецкие лидеры, как бы ни конглигировали они с бюрократическими форматами, так и не смогли создать систему эффективного политического контроля над военной экономикой, шла ли речь о промышленности или сельском хозяйстве. Таким образом, у них не было шансов найти баланс между запросами различных секторов экономики в отношении дефицитных ресурсов» [20].

Рост разрушительности военных технологий – еще одна характерная черта периода мировых войн. Как писал российский историк Е.Ю. Сергеев, «боевая авиация и танки, авианосцы и подводные лодки, бронепоезда и бронеавтомобили, минометы и огнеметы, отравляющие газы, минные заграждения, колючая проволока, защитная униформа – все эти нововведения вооруженной борьбы, увы, вошли в реальность XX в. именно вместе с Первой мировой войной» [21]. «Бурный технический прогресс, характерный для этого этапа истории европейской цивилизации», напрямую отразился на характере ведения мировых войн [22].

Вместе с тем важно сделать ряд оговорок. Как было отмечено выше, колоссальные жертвы не всегда являются итогом применения новейших технологий, напротив, они могут быть результатом использования весьма примитивных средств. К тому же, если и можно говорить о непрерывном возрастании разрушительности средств, с помощью которых велись боевые действия, то воздействие этого процесса на сам феномен войны оказалось нелинейным. Невиданный ранее уровень разрушительности военных технологий после появления термоядерного оружия в некотором, хотя и не абсолютном смысле стал преградой для их реального боевого применения.

По мнению целого ряда политологов, относительная стабильность времен холодной войны в виде отсутствия «больших войн» между сверхдержавами, вытекала не только из фактора bipolarности как такового, сколько именно из ситуации, когда с середины 1960-х гг. стало возможным взаимное гарантированное уничтожение сторон [23]. Таким образом, если смотреть на ситуацию из первых десятилетий XXI в., то развитие военных технологий, способствовавших разрастанию насилия, вместе с тем привело к появлению определенных лимитов и рубежей на пути «тотализации» войны. Дойдя до них, человечество оказалось перед выбором:

[19] A World at Total War. – P. 157–176.

[20] Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // Annales de démographie historique / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 406. – Текст: непосредственный.

[21] Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 8. – Текст: непосредственный.

[22] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 165. – Текст: непосредственный.

[23] Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 30. – Текст: непосредственный.

уничтожение или отказ от термоядерной войны? Все же современные исследователи далеки от оптимизма, полагая, что «изменения в вооружениях действительно воздействуют на восприятие государствами, порождая риски военного столкновения» [24].

Идеологии, как нечто нематериальное, были более гибким инструментом «тотализации» войны, чем государства и технологии. Различные идеологические концепты, способствовавшие в первой половине XX в. дегуманизации образа противника, его «демонизации» и ликвидации морально-психологических преград для уничтожения комбатантов и гражданского населения, внесли существенный «вклад» в «тотализацию» войны [25]. Среди очевидных примеров подобных идеологий — радикальный национализм, расизм, фашизм. Как отмечал немецкий историк Т. Йерзак, характеризуя гитлеровские указания периода подготовки к «Барбароссе», «базовым допущением Гитлера была идея о том, что первая часть «окончательной битвы» будет бесчеловечной в полном смысле этого слова. Исходя из этого, он сам заранее издавал приказы, которые бы изъяли последние остатки человечности из процесса ведения войны» [26].

То обстоятельство, что в войне Третьего рейха против СССР столкнулись

не только «тотальные» государства, но и «тотальные» идеологии, способствовало особой ожесточенности советско-германской (Великой Отечественной) войны. Глава советского правительства И.В. Сталин уже 22 июня 1941 г. отмечал в своем окружении: «Только коммунисты могут победить фашистов...» [27].

Идеологическая индоктринация нередко превращала отдельного индивида и социальные группы в «винтики» тотальной войны. Все же человеческий фактор оставался подчас преградой на пути полной «тотализации» конфликтов с точки зрения разрушительных идеологий. Так, одним из важных факторов в трансформации нацистских методов уничтожения «неарийского» населения на оккупированных территориях стали нараставшие с лета 1941 г «психологические последствия от расстрелов, прежде всего — женщин и детей, которые испытывали палачи» (это обстоятельство стимулировало переход к использованию газовых камер) [28].

«Изъяны», связанные с человеческим фактором, привели в этом случае к опоре на технологии как на фактор «тотализации». Однако в других случаях сознательные усилия, направленные, например, на оказание помощи еврейскому населению, уничтожаемому нацистами, давали свои результаты, пусть они и были скромными на фоне

[24] Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность / И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13 – №6. – С. 41. – Текст: непосредственный.

[25] Мировые войны XX века / ИВИ РАН; отв. ред. Г.Д. Шкундин. – Кн. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 519–537. – Текст: непосредственный.

[26] Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 299. – Текст: непосредственный.

[27] The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / ed. by I. Banac. – New Haven: Yale University Press, 2003. – P. 166. – Текст: непосредственный.

[28] 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – P. 977. – Текст: непосредственный.

колossalных жертв Холокоста. Можно отметить в этом смысле роль действий в период Второй мировой войны правительства нейтральных государств (Швеция, Швейцария и др.), а также Международного комитета Красного Креста (МККК) [29]. Вместе с тем признанием ограниченности подобных усилий стало выступление президента МККК К. Соммаруги в январе 1995 г. на церемонии, приуроченной к 50-летию освобождения Освенцима: «Президент МККК отдал дань памяти всем тем, кто погиб и пострадал во время войны, и публично выразил сожаление по поводу ошибок, допущенных Красным Крестом, и его неспособности защитить жертв концентрационных лагерей» [30].

«ЛАКУНЫ» В КОНЦЕПЦИИ «ТОТАЛИЗАЦИИ» ВОЙНЫ

Концепция «тотальной войны» имеет ряд исследовательских преимуществ, открывая путь к холистскому взгляду на события мировых войн; позволяя создавать длинные исторические нарративы, начиная, например, с периода Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг.; наконец, она дает возможность подчеркнуть общее и особенное в истории XX в. [31] Вместе с тем концепция имеет ряд «лакун» и «белых пятен», подчас высвечивая одни исторические явления за счет других. Обратим внимание на три подобные «лакуны».

Представление о нараставшей «индустриализации» и «тотализации» войны способствует формированию взгляда на военные конфликты великих держав «сверху». При подобном подходе акцент делается на общих процессах мобилизации ресурсов государства и общества, на взаимосвязи между менявшимся характером войны и макроисторическими трендами в виде усиления роли государства, трансформации промышленного капитализма и др. Однако подобный «обезличенный» взгляд на войну затеняет роль человеческого фактора.

О «лимитирующем» влиянии человеческого фактора в контексте идеологии кратко говорилось выше. Нельзя недооценивать его воздействие и на такие факторы как государства и технологии. Образ «тотального» государства, Левиафана или Бегемота XX в. [32], не должен заслонять колossalного воздействия тех личностей, которые оказывались на вершинах власти, будь то в США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль) или в СССР (И. Сталин) и Германии (А. Гитлер). Парадоксальным образом ход «обезличенной» тотальной войны в значительной степени зависел от решений отдельных личностей.

В условиях «тотальных войн», сопряженных с огромными каждодневными людскими потерями на фронте и в тылу, многим современникам казалось, что роль отдельного комбатанта стала

[29] 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – P. 1821–1867. – Текст: непосредственный.

[30] МККК и Вторая мировая война: Холокост / Международный комитет Красного Креста. – 23 января 2020 г. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mkkk-i-vtoraya-mirovaya-voyna-holokost> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[31] Магадеев И.Э. Первая мировая через призму концепции «тотальной войны»: взгляд современников и историков / И.Э. Магадеев; отв. ред. Е.Ю. Сергеев // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 1. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 331–334. – Текст: непосредственный.

[32] Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p. – Текст: непосредственный.

ничтожно малой. Можно было прийти к выводу, как и делали многие, что концепции, имевшие хождение до 1914 г., были опрокинуты опытом мировых конфликтов. Если французский военный теоретик, а позднее маршал Франции Ф. Фош считал в 1903 г., что «война равна раскладке моральных сил», а «победа равна моральному превосходству победителя, моральному угнетению побежденного» [33], то в 1941 г. И. Сталин делал акцент на другом: «Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов» [34].

Вместе с тем «опыт индустриальной войны с 1914 по 1918 г. не опроверг, а подтвердил» многие из идей Фоша [35]. Примечателен парадокс положения дел в российской армии. Ее морально-психологическая дезинтеграция в 1917 г. шла в условиях относительно неплохой военно-технической обеспеченности. Таким количеством тяжелой артиллерии как в мае и сентябре 1917 г. (1348 и 1430 единиц соответственно) российские силы не располагали никогда, начиная с 1914 г. [36]

Очевидно, что морально-психологическое состояние вооруженных сил серьезным образом зависело от консолидации государственных властей

и прочности правительственного контроля над ситуацией в стране. Однако речь не шла только о принуждении, скорее, можно говорить о своеобразном, пусть и неравновесном взаимодействии между целями властей и общества даже в условиях «тотальной войны». Морально-психологическая стойкость и героизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны, ставшие крайне важным фактором итоговой победы, отнюдь нельзя было объяснить лишь государственным давлением. Скорее, как отмечал британский дипломат Дж. Бальфур, речь шла о «развитии советского патриотизма и усиении лояльности к государству и его институтам», о «пробуждении у народа веры в свои силы» [37]. Даже в 1991 г., размышляя о войнах будущего, крупный израильский военный эксперт М. ван Кревельд продолжал подчеркивать: «... если отнять у армии боевой дух, то такой армии будет грош цена» [38].

В рамках концепции «тотальной войны», нацеленной на выявление макротенденций и общих процессов, за скобками нередко остается не только человеческий фактор, но и особые оперативные и стратегические условия того или иного конфликта. Эти условия, однако, имеют нередко крайне серьез-

[33] Цит. по: The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 174. – Текст: непосредственный.

[34] Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, 6 ноября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М.: ОГИЗ, 1944. – С. 41. – Текст: непосредственный.

[35] The Cambridge History of the First World War. – Vol. 2. – P. 174.

[36] Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. – 3-е изд. – М.: Воениздат, 1937. – С. 342–343. – Текст: непосредственный.

[37] Из «Политического обзора событий в Советском Союзе в 1943 г.» посольства Великобритании в СССР, 4 декабря 1944 г. / МГИМО МИД России, ИВИ РАН; под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада // Советско-британские отношения 1943–1953 гг.: Документы и материалы. – М.: Аспект Пресс, 2021. – С. 123. – Текст: непосредственный.

[38] Кревельд М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 331. – Текст: непосредственный.

ное значение. Если концепция «тотальной войны» позволяет выявить общее в истории ряда военных конфликтов, то нельзя забывать и об их особых чертах.

В рамках историографических дискуссий по вопросу о том, можно ли считать тот или иной конфликт тотальным (прежде всего, речь шла о мировых войнах), нередко в стороне оставался ряд других важных обстоятельств. Даже Вторая мировая война не была тотальной в каждом своем проявлении и в каждой географической точке. Как отмечали американский историк Р. Чикеринг и его швейцарский коллега Ш. Фёрстер, «во многих отношениях она осталась ограниченной. Хотя театры военных действий охватили различные части земного шара, основные сражения происходили, главным образом, в Центральной и Восточной Европе, а также в Восточной Азии. Значительные части планеты, в т.ч. Африка южнее Сахары или все Западное полушарие, остались вне прямых боевых действий. Масштаб уничтожения гражданских лиц и собственности соответствовал упомянутым географическим рамкам войны. Экономическая мобилизация в различных странах отнюдь не была одинаково глубокой» [39].

Даже в случае Второй мировой войны можно говорить о неравномерном распределении «тотальности», о локализации этих процессов на отдельных, пусть и огромных по абсолютному размеру территориях. Подобный подход пересекается с методологией исследо-

ваний власти, предложенной французским философом М. Фуко еще в конце 1970-х гг. Один из ключевых тезисов его «микрофизики власти», как суммировал исследователь Д.Ю. Сивков, заключался в том, что «анализируемые феномены власти всегда имеют локальный характер, укорененность в специфических условиях места и времени» [40]. При этом между изучением феноменов власти и войны нет непреодолимых перегородок. С точки зрения ван Кревельда, «война не просто служит власти, она и есть власть...» [41].

Очевидно, что один из максимумов «тотальности» Второй мировой войны был достигнут на советско-германском фронте. Свой «вклад» в этот процесс внесли не только обозначенные выше общие факторы «тотализации», но и специфические условия столкновения СССР и Германии. Отметим лишь два из них.

Первое – Великая Отечественная война была примером столкновения крупных сухопутных государств, исход которого зависел, прежде всего, от сражений масштабных армий на суше. Традиционно такой тип конфликта был сопряжен с наиболее крупными людскими потерями. Даже в гитлеровских планах установления гегемонии и завоевания «жизненного пространства» в Европе прослеживалось стремление тратить в дальнейшем на сухопутные силы меньше ресурсов. Эти ресурсы утекали в «бездонную бочку» сражений на суше, а нацистский фюрер надеялся перераспределить расходы в пользу бо-

[39] A World at Total War. – P. 7.

[40] Сивков Д.Ю. К вопросу о методе анализа материальности в микрофизике власти М. Фуко / Д.Ю. Сивков // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – №4. – С. 65. – Текст: непосредственный.

[41] Кревельд М. ван. Указ. соч. – С. 327.

лее технологичных видов войск – авиации и флота [42].

Второе – маневренный характер боевых действий на советско-германском фронте также усилил воздействие некоторых элементов «тотализации» войны. Так, период развития «блицкрига» оказался самым гибельным для советских военнопленных: из 3,35 млн оказавшихся в плену в 1941 г., к декабрю погибло 1,4 млн человек. Количество убитых среди гражданского населения (еврейское население, советские государственные служащие и др.) уже к концу 1941 г. оценивается в 500 тыс. человек [43].

Оперативные факторы развития конфликта в этом смысле влияли на то, какую форму примут тенденции «тотализации», дополняя воздействие более фундаментальных обстоятельств. Помимо прочего, ситуация на советско-германском фронте серьезным образом отличалась от позиционных сражений на Западном фронте в годы Первой мировой войны тем, что во время последних траншеи и оборонительные полосы по обе линии фронта превратили воюющие государства в своего рода осажденные крепости. Находившееся внутри «крепостей» гражданское население было укрыто от большинства бед, переживаемых на фронте, что сделало конфликт 1914 – 1918 гг. преимущественно «солдатской войной» [44].

Наконец, еще одним важным явлением, нередко выпадающим из фокуса представлений о поступательном

движении от одной «тотальной войны» к другой, являются те виды вооруженных конфликтов, которые не соответствуют «эталону» тотальной и/или индустримальной войны. Обратим внимание на два подобных примера – колониальные кампании и «малые войны», принимавшие подчас форму опосредованных войн или прокси-войн (англ. proxy wars).

Феномены европейских колониальных кампаний на периферии с одной стороны и «тотальных войн» между великими державами с другой определенным образом связаны друг с другом. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что методы, применявшиеся европейцами в колониях, а также связанные с колониализмом расистские представления были затем «реэкспортированы в Старый Свет с новыми элементами» в период мировых войн [45]. При этом колониальные экспедиции, которые по степени ущерба могли быть почти «тотальными» для местного населения, не требовали от европейских стран ни широкомасштабной мобилизации, ни применения крупных вооруженных сил. Конфликт, являвшийся «тотальным» для одной стороны, не был таковым для другой.

Аналогичная асимметрия наблюдалась и в степени индустриализации войны. Для западных держав ставка на современные вооружения, применяющиеся для подавления и предупреждения антиколониальных выступлений, была способом экономии ресурсов

[42] Протокол совещания Гитлера с руководителями вермахта, 23 мая 1939 г. / Н.С. Лебедева и др. // Нюрнбергский процесс. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 229. – Текст: непосредственный.

[43] 1937–1947: la guerre-monde. – Т. 2. – Р. 1754.

[44] Great War, Total War. – Р. 19–33.

[45] Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian Epoch / M. Stevenson // Anthropological Forum. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 322. – Текст: непосредственный.

и людских сил, а также отражала их военно-техническое превосходство над противником. Характеризуя идеи британского военного теоретика и адепта «малой армии» Дж. Фуллера, изложенные в книге «Реформация войны» (1923), советский военачальник М.Н. Тухачевский подчеркивал: «Авиация, моторизация и химия – основные средства для того, чтобы малыми силами преодолевать громадные пространства и покорять слабо вооруженные племена. Для таких задач нужна небольшая, но полностью механизированная армия» [46].

Феномен «колониальных войн» не совсем укладывается в идею нарастающей «тотализации» и «перехода» от Первой ко Второй мировой войне еще по одной причине. В межвоенный период даже те державы, которые исходили в своем стратегическом планировании из сценария «тотальной войны», на практике вели военные кампании иного рода. Подчас это порождало дилемму между теорией и образом будущей войны с одной стороны и реальной практикой вооруженных сил с другой. Подобная раздвоенность была наиболее очевидна в 1920 – 1930-е гг. в Великобритании, армия которой, скорее, выполняла функции «имперской полиции», а не готовилась к крупномасштабному конфликту в Европе [47]. Отчасти схожая ситуация наблюдалась в годы «холодной войны». Разработка

сценариев на случай термоядерной войны соседствовала с применением американских и советских вооруженных сил в совсем иного рода кампаниях (Вьетнам, Афганистан и др.).

Акцент на «больших войнах» в виде Первой и Второй мировой войн подчас затеняет роль «малых войн» межвоенного периода. Вместе с тем подобные конфликты, как и действия в колониях, не только являлись той реальностью, с которой преимущественно сталкивались вооруженные силы великих держав в 1920 – 1930-е гг., но и влияли на уровень их подготовленности к «тотальным войнам», а иногда – даже на образ будущего конфликта. Так, неверно истолкованные «уроки» Гражданской войны в Испании (1936 – 1939 гг.), наложившиеся на последствия «большого террора», привели к немаловажным трансформациям советской военной доктрины: отказу от теории глубокой операции, ассоциировавшейся с именем Тухачевского; усилию идей о позиционном характере войны и роли непрерывных фронтов; расформированию бронетанковых корпусов; ликвидации специализированных тактических авиационных полков и эскадр (кроме авиачастей ВМФ) и др. [48] Восприятие Гражданской войны в Испании как «жизнеспособного сценария для будущей войны в Европе» оказалось «одной из фундаментальных ошибок» советского руководства [49].

[46] Тухачевский М.Н. Избранные произведения / М.Н. Тухачевский. – Т. 2. – М.: Воениздат, 1964. – С. 153. – Текст: непосредственный.

[47] Магадеев И.Э. Армия или полиция? Роль «колониального фактора» в развитии британской армии в 1920-е гг. / И.Э. Магадеев / Скепсис: научно-просветительский журнал. – Сентябрь 2011 г. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[48] Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны / А.В. Гребенюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2(11). – С. 25–26. – Текст: непосредственный.

[49] Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. –

Если конфликт 1936 – 1939 гг. в Испании, нередко рассматриваемый как «опосредованная война между Советским Союзом и европейскими странами «оси»» [50], оказался неподходящим «эталоном» для Второй мировой, то сам по себе сценарий прокси-войн стал еще более актуальным после 1945 г., в условиях холодной войны. Адаптация к нему оказалась, однако, весьма болезненной, в том числе для США. Если в первые годы холодной войны стратегические оценки Вашингтона, главным образом, «основывались на представлении о том, что угрозу представляет советское нашествие в Европу в стиле сражений Второй мировой войны, ради которого Москва пойдет ва-банк», то события Корейской войны 1950 – 1953 гг. резко усилили внимание американских военных и дипломатов к сценарию опосредованной войны. Наступление армии КНДР, санкционированное Москвой, рассматривалось теперь в Вашингтоне как образец для возможных боевых действий советских «сателлитов» и в других точках земного шара [51].

«ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Все вышесказанное не равняется призыву отказаться от концепции «тотальной войны», а, скорее, нацеливает на уточнение сферы и возможностей ее текущего применения. Вместе с тем автор считает возможным предложить

некоторые идеи по расширению методологического аппарата в исследованиях «тотализации» войны.

Для различных экспертов уже достаточно давно было понятно, что война не только в XX в., но и раньше явно была чем-то большим, чем собственно боевые действия на фронтах. Она являлась частью более обширных социально-экономических и политических процессов человеческой истории. Как отмечал ван Кревельд, анализируя работы прусского военного теоретика К. фон Клаузевица первой трети XIX в., «одно из наиболее важных утверждений Клаузевица состоит в том, что война представляет собой разновидность общественной деятельности» [52].

Исследовательский интерес в этом смысле представляет дальнейшее сближение методов и подходов, используемых в таком историографическом направлении как военная история, с наработками социальной и экономической «историй». Подобный синтез не является чем-то абсолютно новым. Правда, он осуществлялся в советской историографии или англоязычными авторами, работавшими в рамках направления «война и общество». Однако потенциал подобных исследований, как представляется, не исчерпан.

В данном случае хотелось бы затронуть лишь два аспекта. Особенности «тотализации» и «индустриализации» войны, помимо обозначенных выше факторов, коррелируют с разделе-

Р. 309. – Текст: непосредственный.

[50] The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 3–4. – Текст: непосредственный.

[51] Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – P. 19–41. – Текст: непосредственный.

[52] Кревельд М. ван. Указ. соч. – С. 67.

нием мира на «центр» и «периферию» (в терминах американского социолога И. Валлерстайна). То обстоятельство, что Первая и Вторая мировая войны стали своего рода «эталоном» «тотальной войны», в значительной степени связано с тем, что в ходе этих конфликтов столкнулись относительно равновесные коалиции, вобравшие в себя наиболее могущественные и промышленно развитые государства «центра» тогдашней «мир-системы». По-своему эту мысль фиксировали уже современники. Как подчеркивал весной 1922 г., анализируя опыт Первой мировой войны, советский военачальник М. В. Фрунзе, «при известном равенстве сил, при большом количестве армий создается известное равновесие на более или менее продолжительное время» [53].

При этом совокупность политических, социально-экономических, географических и иных условий привела к тому, что и внутри стран «центра», боровшихся друг с другом в ходе мировых войн, происходило негласное «разделение труда», когда одни державы вели более «тотальную», а другие — менее «тотальную» войну. Подобное «разделение труда» де-факто существовало, например, в годы Второй мировой войны между ведущими странами антигитлеровской коалиции, хотя его «нельзя было назвать справедливым или сознательно продуманным» [54]. США, осуществив невиданный для себя ранее перевод экономики на военные рельсы,

тем не менее остались в стороне от наиболее разрушительных проявлений войны (отчасти эта мысль применима и к Великобритании). В телеграмме от 23 октября 1942 г., отправленной в Москву в разгар Сталинградской битвы, посол СССР в Великобритании И. М. Майский дал проницательный анализ, сравнив в том числе положение Страны Советов и Туманного Альбиона: «легкая война» в английском понимании включает операции на море и в воздухе, но не на суше... Драться на суше, по мнению англичан, должны будут другие — сначала поляки, потом французы, потом греки и югославы и, наконец, теперь мы. Британцы же готовы были вносить свою «лепту» военно-морским и воздушными флотами, снабжением и «символическими» жестами на суше» [55].

При этом было очевидно, что развитие наиболее технологичных видов вооруженных сил — авиации, флота, а затем ракетных войск — не могло «отменить» значения армий. Сухопутные силы сохраняли свою роль и в условиях ракетно-ядерного века. В 1980-е гг. в оценках американской разведки, в которых рассматривались возможные сценарии ядерной войны между США и СССР, подчеркивалось, что после первой фазы в виде «обмена» ядерными ударами Советский Союз постараётся консолидировать выжившие конвенциональные силы с предполагаемой целью занять «значительные территории

[53] Фрунзе М.В. Избранные произведения / М.В. Фрунзе. — М.: Воениздат, 1965. — С. 92. — Текст: непосредственный.

[54] Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к bipolarному миру / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета, 2020. — С. 287. — Текст: непосредственный.

[55] Майский – Сталину, 23 октября 1942 г. / МИД России; под ред. В.Г. Титова и др. // Документы внешней политики СССР. – 1942. – Т. XXV. – Кн. 2. – Тула: Гриф и Ко., 2010. – С. 296. – Текст: непосредственный.

Западной Европы». Предполагалось, что и США должны быть готовы к ведению сухопутной войны даже после первой фазы ядерных ударов [56].

Еще в большей степени неравенство в распределении бремени «тотальной войны» сказывалось во время колониальных экспедиций, осуществлявшихся ведущими странами, а также в специфике «тотальности» насилия в «центре» и на «периферии». Если считать важным проявлением «тотальности» войны «стирание каких-либо границ и уничтожение каких-либо лимитирующих факторов на пути распространения военного насилия» [57], то само наличие четких границ между миром и войной «было привилегией центра» [58]. На периферии речь шла, скорее, не о жестком разграничении войны и мира, а о специфическом континууме насилия, принимавшего различные по масштабам и последствиям формы.

* * *

Как отмечал ряд экспертов, наше понимание феномена «тотальной войны» опирается, прежде всего, на примеры двух мировых войн и тесно связано с их конкретно-историческими реалиями. «Век тотальной войны», говорится ли о периоде с 1860 по 1945 г. (британский историк Дж. Блэк) [59], с 1916 по 1945 г. (британский и американский полито-

лог К. Грэй) [60] или о каких-то других хронологических рамках, развивался в уникальных обстоятельствах. Тень тотального по своим последствиям и разрушительности конфликта нависала над миром и в период «холодной войны», когда своеобразным этапом такого конфликта стала полномасштабная термоядерная война между сверхдержавами [61].

Если определение того или иного конфликта в качестве «тотального» может служить средством анализа его черт и особенностей, то нередко, как стремился продемонстрировать автор в представленной статье, складывается обратная ситуация. Сама «тотальность» войны требует объяснения, являясь результатом воздействия целого ряда факторов, итогом конstellации уникальных по-своему, как и многое в человеческой истории, обстоятельств.

Представление о «магистральной линии» развития военных конфликтов в первой половине XX века в виде нараставшей «тотализации» и «индустриализации» войны, не покрывает всего разнообразия и внутренней сложности исторического процесса. Факторы, стимулировавшие развитие процессов «тотализации» (государства, технологии, идеологии), одновременно содержали в себе внутренние лимиты на развитие данных процессов до пре-

[56] NIE 11-3/8-83, 6 March 1984. – P. 46 // Digital National Security Archive. – URL: <https://www-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679148693/fulltextPDF/85DF1FOCFBC240E3PQ/1?accountid=108701> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

[57] Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия. – С. 7.

[58] Saint-Amour P.K. Op. cit. – P. 429.

[59] Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p. – Текст: непосредственный.

[60] Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 191. – Текст: непосредственный.

[61] Brodie B. Defense Policy and the Possibility of Total War / B. Brodie // Daedalus. – 1962. – Vol. 91. – No. 4. – P. 733–748. – Текст: непосредственный.

дела. Концепция «тотальной войны» оставляет за скобками ряд важных обстоятельств, влиявших на эволюцию военного дела и военных представлений в 1914–1945 гг.: роль человеческого фактора и специфических оперативно-стратегических условий конфликта, значение

колониальных и «малых войн» межвоенного периода. При этом указанная концепция продолжает оставаться ценным исследовательским инструментом и может быть дополнена наработками из сферы социально-экономической истории, а также «мир-системной» теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 885 с. – Текст: непосредственный.
2. Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны / А.В. Гребенюк // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №2(11). – С. 5–38. – Текст: непосредственный.
3. Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность / И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13 – №6. – С. 7–52. – Текст: непосредственный.
4. Кревельд М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с. – Текст: непосредственный.
5. Магадеев И.Э. Армия или полиция? Роль «колониального фактора» в развитии британской армии в 1920-е гг. / И.Э. Магадеев / Скепсис: научно-просветительский журнал. – Сентябрь 2011 г. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.
6. Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне / И.Э. Магадеев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61. – Текст: непосредственный.
7. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С. 3–16. – Текст: непосредственный.
8. Магадеев И.Э. Первая мировая через призму концепции «тотальной войны»: взгляд современников и историков / И.Э. Магадеев; отв. ред. Е.Ю. Сергеев // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 1. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 331–334. – Текст: непосредственный.

9. Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия / И.Э. Магадеев; отв. ред. А.А. Богдашкин // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). – Воронеж: Научная книга, 2017. – С. 5–18. – Текст: непосредственный.
10. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в IX–XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с. – Текст: непосредственный.
11. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. – 3-е изд. – М.: Воениздат, 1937. – 718 с. – Текст: непосредственный.
12. Мировые войны XX века / ИВИ РАН; отв. ред. Г.Д. Шкундин. – Кн. 1. – М.: Наука, 2002. – 686 с. – Текст: непосредственный.
13. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с. – Текст: непосредственный.
14. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 3–15. – Текст: непосредственный.
15. Сивков Д.Ю. К вопросу о методе анализа материальности в микрофизике власти М. Фуко / Д.Ю. Сивков // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – №4. – С. 55–67. – Текст: непосредственный.
16. Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год / Р.А. Сетов. – М.: Макс Пресс, 2019. – 344 с. – Текст: непосредственный.
17. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 360 с. – Текст: непосредственный.
18. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг. / Ф. Фишер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.– Текст: непосредственный.
19. 1937 – 1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – Т. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – 1412 p. – Текст: непосредственный.
20. 1937 – 1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – Т. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – 1063 p. – Текст: непосредственный.

21. Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914 / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p. – Текст: непосредственный.
22. A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 392 p. – Текст: непосредственный.
23. Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p. – Текст: непосредственный.
24. Brendon P. The Dark Valley: A Panorama of the 1930s. / P. Brendon – London: Jonathan Cape, 2000. – 701 p. – Текст: непосредственный.
25. Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – P. 19–41. – Текст: непосредственный.
26. Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 29–89. – Текст: непосредственный.
27. Gat A. War in Human Civilization / A. Gat. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 840 p. – Текст: непосредственный.
28. Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1074 p. – Текст: непосредственный.
29. Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 432 p. – Текст: непосредственный.
30. Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 531 p. – Текст: непосредственный.
31. Imlay T. Total war / T. Imlay // Journal of Strategic Studies. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 547–570. – Текст: непосредственный.
32. Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // The Journal of Slavic Military Studies. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 673–704. – Текст: непосредственный.

33. Marwick A. War and Social Change in the Twentieth Century: A Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p. – Текст: непосредственный.

34. Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – 663 p. – Текст: непосредственный.

35. Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p. – Текст: непосредственный.

36. On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / ed. by S. Förster, J. Nagler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 705 p. – Текст: непосредственный.

37. Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. – 418 p. – Текст: непосредственный.

38. Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War / P.K. Saint-Amour // Critical Inquiry. – 2014. – Vol. 40. – No. 2. – P. 420–449. – Текст: непосредственный.

39. Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian epoch / M. Stevenson // Anthropological Forum. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 321–338. – Текст: непосредственный.

40. The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 802 p. – Текст: непосредственный.

41. The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 768 p. – Текст: непосредственный.

42. The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – 420 p. – Текст: непосредственный.

43. The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939 / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 376 p. – Текст: непосредственный.

44. Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // Annales de démographie historique / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 379–407. – Текст: непосредственный.

REFERENCES

1. 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 1. – Paris: Gallimard, 2015. – 1412 p.
2. 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. – T. 2. – Paris: Gallimard, 2015. – 1063 p.
3. A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 392 p.
4. Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914 / ed. by M. Boemeke, R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p.
5. Black J. The Age of Total War, 1860–1945 / J. Black. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 216 p.
6. Brendon P. The Dark Valley: A Panorama of the 1930s. / P. Brendon – London: Jonathan Cape, 2000. – 701 p.
7. Coleman D.G. The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War / D.G. Coleman // Australasian Journal of American Studies. – 1999. – Vol. 18. – No. 1. – P. 19–41.
8. Copeland D. Neorealism and the Myth of Bipolar Stability: Toward a New Dynamic Realist Theory of Major War / D. Copeland // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 3. – P. 29–89.
9. Creveld M. van. Transformacija vojny [The transformation of war] / M. van Creveld. – Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2005. – 344 p.
10. Fischer F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. [Race to the world power. War aims politics of the Kaiser Germany in 1914–1918] / F. Fischer. – Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. – 677 p.
11. Gat A. War in Human Civilization / A. Gat. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 840 p.
12. Germany and the Second World War. Vol. IX/I / ed. by J. Echternkamp. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1074 p.
13. Gray C.S. Modern Strategy / C.S. Gray. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 432 p.

14. Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 531 p.

15. Grebenuk A.V. RKKA nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [The Red Army on the eve of the Great Patriotic war] / A.V. Grebenuk // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2010. – №2(11). – P. 5–38.

16. Imlay T. Total war / T. Imlay // Journal of Strategic Studies. – 2007. – Vol. 30. – No. 3. – P. 547–570.

17. Istomin I.A. Mirazhi innovacij: «vklad» tehnologicheskogo progressa v voennuju nestabil'nost' [Innovation Mirage: The Role of Technological Uncertainty in Military Instability] / I.A. Istomin // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2020. – T. 13 – №6. – P. 7–52.

18. Lytton A. In the House of Rimmon: British Aid to the Soviet Union, June–September 1941 / A. Lytton // Journal of Slavic Military Studies. – 2013. – Vol. 26. – No. 4. – P. 673–704.

19. Magadeev I.E. Armija ili policija? Rol' «kolonial'nogo faktora» v razvitiu britanskoj armii v 1920-e gg. [Army or police? Role of the “colonial factor” in the development of the British army in the 1920s] / I.E. Magadeev / Skepsis: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal. – September 2011. – URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (mode of access: 15.02.2022).

20. Magadeev I.E. «Vtoraja tridcatiletjnaja vojna» 1914–1945 gg.? O nekotoryh osobennostjah razvitiija mezhdunarodnyh otnoshenij v Evrope na puti ko Vtoroj mirovoj vojne [Second Thirty Years' war of 1914–1945? Some features of international relations on the way to the Second World War] / I.E. Magadeev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. – 2014. – № 4. – P. 34–61.

21. Magadeev I.E. Pervaja mirovaja kak total'naja vojna [First World war as total war] / I.E. Magadeev // Novaja i novejshaja istorija. – 2014. – №4. – P. 3–16.

22. Magadeev I.E. Pervaja mirovaja cherez prizmu koncepcii «total'noj vojny»: vzgljad sovremennikov i istorikov [First World War seen through the lens of the “total war” conception: views of contemporaries and scholars] / I.E. Magadeev; ed. E.Yu. Sergeev // Pervaja mirovaja vojna – prolog XX veka [First World War – prologue of the XX century]. Pt. 1. – Moscow: IVI RAN, 2014. – P. 331–334.

23. Magadeev I.E. Dinamika totalizacii vojn v istorii XX stoletija [Dynamics of warfare totalisation in the XX century] / I.E. Magadeev; ed. A.A. Bogdashkin // Fenomen mirovyh vojn v istorii XX veka: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (g. Voronezh, 11–12 maja 2017 g.) [World wars in the history of the XX century: proceedings of the All-Russian scientific and theoretical conference (Voronezh, 11–12 May 2017)]. – Voronezh: Nauchnaja kniga, 2017. – P. 5–18.

24. Manikovskii A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuju vojnu [Military supplies of the Russian army in the World war] / A.A. Manikovskii. – 3rd ed. – Moscow: Voenizdat, 1937. – 718 p.
25. Marwick A. War and social change in the twentieth century: A comparative study of Britain, France, Germany, Russia and the United States / A. Marwick. – N.Y.: St. Martin's Press, 1975. – 258 p.
26. McNeill W. V pogone za moshh'ju. Tehnologija, vooruzhennaja sila i obshhestva v XI–XX vekah [The pursuit of power. Technology, armed forces and society in XI–XX centuries / W. McNeill. – Moscow: Izdateľskij dom «Territorija budushhego», 2008. – 456 p., ill.
27. Mirovye vojny XX veka [World wars of the XX century] / IVI RAN; ed. G.D. Shkundin. – T. 1. – Moscow: Nauka, 2002. – 686 p.
28. Miquel P. La Grande guerre / P. Miquel. – Paris: Fayard, 1983. – 663 p.
29. Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism / F.L. Neumann. – N.Y.: Oxford University Press, 1942. – 532 p.
30. On the Road to Total War. The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / ed. by S. Förster, J. Nagler. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 705 p.
31. Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism / S.G. Payne. – New Haven: Yale University Press, 2004. – 418 p.
32. Pervaja mirovaja vojna i sud'by evropejskoj civilizacii [The First World war and the destiny of European civilisation]/ eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin. – Moscow: Izdateľstvo Moskovskogo universiteta, 2014. – 816 p.
33. Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War / P.K. Saint-Amour // Critical Inquiry. – 2014. – Vol. 40. – No. 2. – P. 420–449.
34. Sergeev E.Yu. Aktual'nye problemy izuchenija Pervoj mirovoj vojny [Actual problems of studying the World War I] / E.Yu. Sergeev // Novaja i novejshaja istorija. – 2014. – № 2. – P. 3–15.
35. Setov R.A. Tektonika vojny. 1939 god [Tectonics of war. 1939] / R.A. Setov – Moscow: Maks Press, 2019. – 344 p.
36. Sivkov D.Yu. K voprosu o metode analiza material'nosti v mikrofizike vlasti M. Fuko [On the analysis method of materiality in Foucault's microphysics of power] / D.Yu. Sivkov // Sociologija vlasti. – 2017. – Vol. 29. – No. 4. – P. 55–67.

37. Stevenson M. Total war: Europeans and Indigenous Peoples in the Columbian epoch / M. Stevenson // Anthropological Forum. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 321–338.

38. The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 802 p.

39. The Oxford Handbook of Spanish Politics / ed. by D. Muro, I. Lago. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 768 p.

40. The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell, S. Wolf. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – 420 p.

41. The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939 / ed. by R. Chickering, S. Förster. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 376 p.

42. Tilly Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg. [Coercion, capital, and European states, AD 990–1992] / Ch. Tilly. – Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2008. – 360 p.

43. Vtoraja mirovaja vojna i transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopoljarnosti k bipoljarnomu miru [Second World war and transformation of the international relations: from multipolarity to the bipolar order] / eds. L.S. Belousov, A.S. Manykin. – Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. – 885 p.

44. Winter J.M. Demographic history and the political economy of war in Western Europe, 1914–1918 / J.M. Winter // Annales de démographie historique / Société de démographie historique. – Paris: EHESS, 1990. – P. 379–407.

Анализ причин русско-японской войны 1904–1905 гг. через призму классического политического реализма

Евгений Белоусов
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной работе рассматриваются причины русско-японской войны 1904–1905 гг. – конфликта, который отразился на исторических судьбах как России, так и Японии. Актуальность исследования состоит в том, что между Россией и Японией до сих пор существуют противоречия, конфликт интересов, связанных с принадлежностью островов Курильской гряды. Целью работы является изучение причин русско-японской войны 1904–1905 гг. для эмпирической проверки некоторых положений классического политического реализма с опорой на его теоретический инструментарий. По мнению автора, такой анализ позволяет сосредоточиться на самом главном, чтобы дать ответ на вопрос: почему не удалось распутать клубок противоречий между Россией и Японией и что помешало избежать войны? Для достижения цели автор ставит несколько

исследовательских задач, среди которых выделяет осмысление теоретического наследия классического политического реализма в контексте русско-японской войны, применение положений этой теоретической парадигмы относительно исторических событий, предшествовавших войне, изучение непосредственных причин конфликта. В статье автор использует как труды политических реалистов, так и обширную литературу по русско-японской войне для достижения поставленных целей и задач. В ходе исследования автор приводит к выводу, что война стала возможной по некоторым причинам: имперализм; сила, как главный показатель, и, как следствие, силовая политика; использование противоречий между странами в своих собственных целях; «железное» и бескомпромиссное следование национальным интересам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Русско-японская война, Россия, Япония, политический реализм, внешняя политика, имперализм, Дальний Восток.

Analysis of the Causes of the Russo-Japanese War of 1904–1905 within the Framework of Classical Political Realism

Evgeniy Belousov

MGIMO University

ABSTRACT

This paper examines the causes of the Russo-Japanese War of 1904–1905, the conflict that affected the historical fate of both Russia and Japan. The relevance of the research is that there are still contradictions between Russia and Japan, the conflict of interests related to the ownership of the Kuril Islands. The purpose of the paper is to study the causes of the Russo-Japanese War of 1904–1905 in order to empirically test some of the provisions of classical political realism with the help of its theoretical toolkit. In the author's opinion, such analysis allows one to focus on the most important things in order to answer why it was not possible to solve the conflicts between Russia and Japan and avoid the war. To achieve the goal, the author sets several research tasks, among which he emphasizes comprehension of the theoretical heritage

of classical political realism in the context of the Russo-Japanese war, application of the provisions of this theoretical paradigm to the historical events preceding the war, study of the immediate causes of the conflict. In his article, the author uses both the works by classical political realists and a vast bibliography of the the Russian-Japanese war of 1904–1905. The article examines the international situation in Asia, the relationship of countries in this region, their interests, on the basis of which one or another subject's behavior can be explained. In the study, the author leads to the conclusion that the war was made possible for several reasons: imperialism; force, as the main indicator, and the consequent power politics; the use of contradictions between countries for their own purposes; uncompromising adherence to national interests.

KEY WORDS

Russo-Japanese war, Russia, Japan, political realism, foreign politics, imperialism, Far East.

ВВЕДЕНИЕ

Рассказ о русско-японской войне часто сводится к утверждению о победе Японии над Россией. Часто вспоминают Цусимское сражение, оборону Порт-Артура, гибель «Варяга», воспетого в знаменитой песне. Однако сама война является лишь «взрывом пороховой бочки, кульминацией противостояния интересов различных государств, которые проводили активную политику в Азии, прежде всего – России и Японии.

В нашей работе мы попытаемся проанализировать причины, которые стали искрой русско-японской войны с помощью одной из гранд-теорий международных отношений – политического реализма. Целью данной работы является анализ причин русско-японской войны через призму политического реализма с тем, чтобы ответить на вопрос: можно ли было предотвратить конфликт? В рамках работы мы ограничимся изучением только тех аспектов, которые вписываются в поставленные цели и задачи.

Объектом исследования является русско-японская война 1904–1905 гг., а предметом – причины этого конфликта.

В ходе работы мы будем опираться на обширную историографию, связанную с рассматриваемой темой. Здесь можно выделить работу О.В. Айрапетова «Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история». Труд О.В. Айрапетова проливает свет на русско-японские отношения начала XX в., дает понимание причинно-следственных связей в конфликте. Работа «Русско-японская война 1904–1905 гг. Факты. Документы», авторами которой являются В.К. Шацилло и Л.А. Шацилло, была

опубликована в 2004 г., к столетию начала русско-японской войны. Исходя из названия, мы можем догадаться, что авторы провели скрупулезный анализ конфликта, опираясь на многочисленные факты и документы.

Помимо источников и историографии, в работе будут использоваться материалы из многочисленных статей по русско-японской войне, которые опубликованы в различных научных журналах. Они, как правило, имеют более узкий объект и предмет исследования, и не затрагивают весь пласт аспектов русско-японской войны.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Политический реализм окончательно оформился в XX в. Прежде всего, нельзя не упомянуть греческого историка Античности Фукидида, который в своей работе «История Пелопонесской войны» еще в те далекие времена описал такие феномены, как «сила», «баланс сил», «человеческая природа». Эти понятия используются в научных теориях, в том числе и в современных. Известен другой феномен, который вошел в научных обиход – «ловушка Фукидида» (ситуация, когда одно государство боится усиления другого государства, и когда напряжение в международных отношениях нарастает и перетекает в войну). «Ловушка Фукидида» использовалась для описания гипотетического конфликта между КНР и США, а исторической основой стал рост страха и опасений лакедемонян перед усилением афинского полиса, что побудило первых начать войну против опасного соседа [1].

[1] . Строгецкий В. М. К интерпретации текста Фукидида о причинах Пелопонесской войны / В. М. Строгецкий. // Вестник

Еще одной видной фигурой политического реализма является английский философ Томас Гоббс, который акцентировал внимание на государстве как благе для людей. Данная идея прозвучала в его работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Государство по Гоббсу является объединением людей на основе общественного договора с целью «самосохранения», чтобы избежать «бедственного состояния войны» [2]. Иными словами, главным критерием такого «объединения» является безопасность самих людей, поскольку вне четко организованного общества они будут вести «войну всех против всех» ради своих частных интересов, из-за своей эгоистичной природы человека. Индивид как субъект не может существовать вне общества, а внутри общества его воля не может быть перенесена на всё общество, поскольку частные разобщенные действия индивидов мешают объединению людей, предположим, в отражении угрозы со стороны общего врага [3]. Эти положения, изложенные Т. Гоббсом, фактически, отражают еще одну важную черту политического реализма – коллективизм. [4].

Наконец, Ганс Моргентау, который является известным представителем течения в теории международных от-

ношений, которое получило название классического реализма. Главной заслугой Г. Моргентау, на наш взгляд, является его формулировка шести принципов классического политического реализма [5], которые концептуально оформили основную сущность данного течения. Рассмотрим важнейшие положения Г. Моргентау, выделенные в его работе «Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace». Прежде всего, Г. Моргентау отмечает, что политика и в целом функционирование общества подчинены человеческой природе [6]. Также он выделил концепцию национального интереса, определенного в терминах власти [7], которая является универсальной [8]. Моргентау считал, что универсальные моральные принципы нельзя применять к действиям государств [9], которые являются главными акторами на международной арене. По мнению ученого, реалистская теория освобождалась от субъективных мотивов и идеологических заблуждений [10].

Итак, кратко рассмотрев традицию политического реализма, мы можем определить, какие положения этой научной теории соотносятся с объектом нашего исследования.

Наиболее общими терминами, которые встречаются в тех или иных работах сторонников и авторов классическо-

Томского государственного университета. – История. – 2017. – №47. – С. 98.

[2] Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – С. 116.

[3] Там же. – С. 117.

[4] Зотова Л. В. Безопасность народа и государства как высшая ценность Гоббса / Л. В. Зотова. // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2003. – №4. – С. 62-63.

[5] J Donnelly J. Realism and International Relations / Jack Donnelly. – Cambridge University Press, 2000. – P. 16.

[6] Morgenthau H. J. Politics Among Nations / Hans J. Morgenthau. – Peking University Press, 2005. – P. 4.

[7] Ibid. – P. 5.

[8] Ibid. – P. 10.

[9] Ibid. – P. 12.

[10] Ibid. – P. 5.

го политического реализма, являются следующие:

- государствоцентризм – государства являются главными акторами на международной арене;
- сила, как источник силовой политики и самосохранения государств и их безопасности; баланс сил;
- рациональность (можно сказать, эгоизм) – государства в своих действиях на международной арене ориентируются на выгоду для себя; на наш взгляд, сюда же можно отнести и категорию национального интереса;
- анархичность системы международных отношений, отсутствие высшего арбитра в отношениях между государствами.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Азия в конце XIX – начале XX вв. стала объектом интересов разных государств. В первую очередь, речь идет о странах, которые непосредственно находились или граничили с этим регионом: о Российской империи и Японской империи. Нельзя забывать и о колониальных империях: Великобритании, Франции, в какой-то мере – молодой империалистической Германии. Все они преследовали общую цель – расширить рынки сбыта. Одной из «мишеней» в Азии для реализации амбиций стал Китай. Ведущим державам мира удалось превратить Китай в полуколониальную страну, поскольку он был отсталой стра-

ной по сравнению с индустриальными странами [11]. В итоге, иностранцы пользовались различными привилегиями, например, льготные таможенные пошлины, экстерриториальность [12]. Отправной точкой такого закабаления крупной азиатской страной можно считать подписанный в 1842 г. Китаем после первой опиумной войны Нанкинский мир [13]. Примеру англичан последовали и другие индустриальные страны – Франция и даже США. Попытки сопротивления новому порядку в Китае приводили лишь усилению позицию колониалистов и раз за разом заканчивались провалом.

Что касается России, в 1858 г. по Айгунскому договору [14] привилегии и льготы получили подданные Российской империи, были также территориальные приобретения в пользу последней. В 1860 г. подписан уже Пекинский договор, «передававший России земли от Уссури до Японского моря и границ Кореи» [15]. Эти факты говорят о весьма умелой внешнеполитической деятельности России на Дальнем Востоке и в Азии.

Таким образом, на первых этапах дежеки «китайского пирога» бенефициарами являлись мощные европейские державы. Япония пока что участия не принимала, однако ее экспансионистская политика начнет реализовываться уже очень скоро.

Япония после т.н. «Реставрации Мейдзи» преобразовалась до неузнава-

[11] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. 1904-1905 гг. Факты. Документы / В. К. Шацилло, Л. А. Шацилло. – Москва: Молодая гвардия, 2004. – С. 9.

[12] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. – С. 9.

[13] Там же.

[14] Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история / О. Р. Айрапетов. – Москва: ООО «Торговый Дом Алгоритм», 2014. – С. 37.

[15] Там же. – С. 40.

емости, провела модернизацию практических всех сторон жизни общества: реформы коснулись политической, экономической сферы, затронули армию, общество. Выросшая мощь Японии не могла уживаться с ее бывшим положением островной страны, закрытой от всего мира — Япония начала активную экспансию и политику увеличения своего влияния в регионе. Крупным актом такого расширения стала экспансия Японии в Корею, а затем и в Китай. Важность Кореи для Японии отмечалась ее выгодным положением, которое позволяло «стране восходящего солнца» использовать корейский полуостров как плацдарм [16] на «большой земле» для дальнейших завоеваний.

1894 год ознаменовался вспыхнувшим в Корее народным восстанием под руководством религиозной секты «Восточное учение» [17]. Корейская администрация не смогла справиться с восстанием и запросила помочь в Китае, который являлся ее покровителем. Китай послал войска в Корею, и этот факт использовало японское правительство — оно также послало вооруженные силы на Корейский полуостров. Экспансия в Корею и установления там японского господства могли быть реализована двумя путями. Первый проект заключался в относительно «мирном» «допуске Японии к решению внутренних корейских вопросов» [18] путем

проведения различных государственных преобразований под японским контролем. Иначе говоря, постепенная интеграция Кореи в японскую сферу влияния. Второй вариант был проще: Корея должна отойти к Японии военным путем, который и был реализован. Современная для своего времени японская армия очень быстро показала свое превосходство, и Корея была очищена от китайских войск за очень короткий промежуток времени. В 1895 г. Китай и Япония подписали Симонесекский мирный договор [19], который был выгоден исключительно японской стороне, получавшей денежную контрибуцию и Лядунский полуостров с островами, а также некоторые другие территории.

Стремительные успехи Японии привели к тому, что другие державы стали рассматривать ее как страну-реваншиста, которая имела все шансы заметно изменить расстановку сил в Азии. Особенно недовольной была Россия, которую не устраивало сильное японское влияние в Азии. В том же 1895 г. происходит т.н. «Тройственная интервенция» России, Франции и Германии [20], которая заключалась в требовании «отказаться от завоеваний в Маньчжурии» [21]. Таким образом, данные события и факты подтверждают поведение государств по упомянутой схеме: государства-реваншисты (Япония) стремятся изменить статус-кво, а государства, которым

[16] Иванов А. И. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. / А. И. Иванов. // Россия и АТР. – 2014. – №1(83) – С. 159–171.
– С. 159.

[17] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. – С. 11.

[18] Там же.

[19] Там же. – С. 14.

[20] Ан Сен Ир. Русско-японская война и передел международной системы в Восточной Азии / Ан Сен Ир. // Вестник ЗабГУ. – 2015. №3(118) – С. 96.

[21] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. – С. 15.

выгоден этот статус (Россия и другие), сохранить его. Также мы хотели бы отметить, что эти и дальнейшие примеры отражают еще одну черту классического политического реализма – государство-центричности, где все международные процессы, их характер зиждутся на государствах. В международных отношениях преобладают именно государства, а не транснациональные корпорации или международные организации, на данном историческом периоде общественное развитие еще не достигло такого уровня, который мы можем наблюдать уже в наше время.

Как мы уже увидели из проделанного анализа, увеличение показателя «силы» позволило Японии проводить агрессивную политику. По сравнению с Китаем, она обладала куда большим показателям, что толкало ее на экспансию и агрессивные действия уже против слабого Китая. В дополнение к рассуждениям о «силе» хотелось бы вставить продолжение мысли о «тройственной интервенции». Дело в том, что весомым аргументом требования России, Франции и Германии являлся отправленный в этот момент военно-морской флот к берегам Японии, что, в конечном счете, привело к подписанию Пекинского договора 1895 г., по которому Япония отказалась от Ляодуна [22]. Этот отказ весьма понятен, потому что сила Страны восходящего солнца была недостаточной, чтобы воевать с тремя мощными державами Европы. Таким образом, мы видим, что концепция «силы» вполне себе отражает поведение государств на международной арене. Военные, политические и экономические успехи Японии говорили о том, что эта страна облада-

ет достаточной силой для экспансии. На наш взгляд, фактор силовой, агрессивной политики страны-ревизиониста (Японии) является одной из причин будущей русско-японской войны.

Скажем несколько слов о балансе сил, который органически вытекает из концепции «силы». Мы уже немного затрагивали баланс сил, когда описывали примерную схему действий государств в условиях анархичной системы международных отношений. Эта схема (или центральный конфликт) вполне связана с концепцией «баланса сил», которая заключается в том, что соотношение сил постоянно меняется, и это изменение требует грамотного поведения на международной арене, чтобы не допустить острого кризиса – войны. Как правило, чрезмерные амбиции, неконтролируемые стремления к экспансии, невозможность или нежелание к самоограничению приводят к ухудшению ситуации на внешнеполитическом фронте и открытому противостоянию. Конечно, не всегда увеличение силового потенциала одной державы связано с ее желанием проводить империалистическую политику. В этом заключается одна из ключевых проблем, которые выделяются в «реалистской» парадигме – невозможность проникнуть в голову политика из «другого лагеря» и узнать о его истинных намерениях. Но такой недостаток заполняется практически автоматизированной, активизируемой на рефлексах, реакцией. Непонимание действий государства (в нашем случае – увеличение силового потенциала) приводит к иногда справедливым опасениям и ответным действиям (ответным наращиванием

[22] Там же.

силы). Такое поведение обусловлено т.н. «дилеммой безопасности».

«Тройственная интервенция», которую мы рассмотрели выше, не привела к отказу японцев от экспансии. Более того, противостояние Японии и России обострилось, и стало, фактически, центральным. Таким образом, как глобальной и общей, так и одной из причин русско-японской войны является перерастание распределения сфер влияния в Азии в столкновение национальных интересов Российской империи и Японии. Несмотря на то, что державы, которые были заинтересованы в сохранении статус-кво, было больше, в итоге, именно Россия стала тем государством, которому выпала доля противостоять ревизионисту (Японии). В то же время стоит отметить, что Россия также была заинтересована в распространении своего влияния, что не противоречит «дилемме безопасности», а наоборот, дополняет ее: державы-защитницы статус-кво могут вести себя как державы-ревизионисты. Таким образом, русская дипломатия и после «тройственной интервенции» продолжала все дальше и дальше погружаться в водоворот дележа «китайского пирога», чем пользовались другие империалистические державы, которые в противостоянии России и Японии ставили на последнюю.

После «тройственной интервенции» происходит сближение России и Китая. В 1895 г. Россия предоставляет Китаю

экономическую помощь, в частности, выделяет заем в 150 млн. рублей, учреждается Российско-Китайский банк [23]. В 1896 г. заключается тайный договор с Китаем [24], по которому Российская империя фактически оформляла оборонительный союз против Японии: на наш взгляд, такой оборонительный союз связывал руки России в условиях, когда за сферы влияния в Китае продолжала идти борьба между Германией, Великобританией, Францией. Россия втягивалась в дележ «китайского пирога», распыляя свои силы, поскольку ее собственные амбиции не позволяли ей оставаться в стороне от империалистической политики других великих колониальных держав. Примером российской экспансии в Азии можно считать занятие Порт-Артура в 1898 г. [25] — была оформлена аренда на 25 лет с возможностью продления. Затем последовало т.н. «боксерское восстание», для подавления которого в Китай были введены войска великих держав, в том числе и России. Результатом этой акции стало подписание «Боксерского протокола», по которому Китай утратил свои суверенные права [26] и стал, по факту, полностью зависимым от великих держав. Россия же укрепила свое влияние в Маньчжурии, на «линии КВЖД» [27]. Стоит отметить, что строительство КВЖД по Китайской территории в Маньчжурии стало возможным после заключения тайного договора с Китаем, о котором мы говорили. Строительство этой железной дороги за-

[23] Ушаков Ю. В. Российско-японские отношения накануне войны 1904-1905 гг. / Ю. В. Ушаков. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2003. – №8. – С. 143.

[24] Фролов И. А. Причины русско-японской войны 1904-1905 гг. / И. А. Фролов. // Власть. – 2014. – №7. – 175.

[25] Айрапетов О. Р. На пути к краху. – С. 136.

[26] АН Сен Ир. Русско-японская война и передел международной системы в Восточной Азии. – С. 99.

[27] Ушаков Ю. В. Российско-японские отношения накануне войны 1904-1905 гг. – С. 144.

метно укрепляло позиции России в Азии и отвечало ее интересам, что было не-приемлемо для конкурентов, в частности, Японии. Столкновение интересов Японии и России в Маньчжурии можно рассматривать как одну из причин войны.

Параллельно с «китайской линией» Россия вела политику в Корее. Однако Россия занимала достаточно выжидательную, нерешительную позицию в отношении Кореи, несмотря на наличие своих интересов и на саму волю последней «принять Российское покровительство [28]». Эта позиция объяснялась несколькими факторами. Во-первых, это интересы других держав в Корее — Китая и Японии, с которыми Россия, согласно докладу Н.К. Гирса, не хотела портить отношения [29] до критического уровня. Российские власти считали, что выгоды, полученные от тесного сближения с Кореей, не смогут перекрыть издержки, которые могут возникнуть в результате осложнений в отношениях с Японией и Китаем. Во-вторых, выбранный Россией путь на экономическое сотрудничество с Кореей, распылял ее силы: Россия должна была вести контригру в Корее против Японии, одновременно сдерживая амбиции Великобритании в Китае. В-третьих, первое время российские власти не усматривали истинных намерений Японии в отношении Кореи [30], что привело к потери времени и инициативы со стороны России. Конечно,

это не означает бездействие российских политиков и дипломатов в Корее, однако ее сил на Дальнем Востоке не хватало для успешного противостояния Японии, которая к началу войны превратила Корею фактически в свою союзницу-марионетку, несмотря на ее стремление быть «нейтральным государством [31]». Япония намного агрессивнее проникала в экономическую жизнь Кореи, в ее политическую сферу, даже использовала идеологическую пропаганду, которая улучшала мнение корейцев о Японии и наоборот, настраивала их против «западных варваров [32]». Российско-японские переговоры по урегулированию «корейского вопроса» привели к росту напряжения между странами, что в конечном итоге вылилось в разрыв отношений. Нерешенный «корейский вопрос» стал еще одной причиной к войне.

События на Дальнем Востоке органически развивались, исходя из общей международной обстановки, центр которой в то время находился в Европе. «Большая» политика, которую проводили великие державы, основываясь на национальных интересах, отражалась и на их действиях в Азии. Например, Англия начала сближение с Японией, поскольку перспектива русско-японской войны могла ослабить российские позиции в Средней Азии и Персии [33], но роль «пушечного мяса» в этом должна сыграть Япония, а не Великобритания. Сближение привело

[28] Иванов А. И. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове... – С.166.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Гринюк В. А. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея / В. А. Гринюк. // Россия и АТР. – 2014. – №1(83) – С. 58.

[32] Иванов А. И. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове... – С.169.

[33] Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. – С. 36.

к подписанию англо-японского договора, который был выгоден, в первую очередь, Японии, которая получила в союзники мощную морскую державу, а также могла рассчитывать на финансовую помощь со стороны Лондона [34]. Несмотря на то, что Лондон чуть позже признал главную опасность для себя в лице Германии, вектор антироссийской политики на Дальнем Востоке нельзя было изменить из-за столкновения британских и российских интересов в Персии, Афганистане. Также к Японии благосклонно относились и Соединенные Штаты Америки, экономическая экспансия в Маньчжурии вызывала натянутые отношения с Россией. По заверению правительства США, в случае если на стороне России выступят Франция и Германия, то США окажут помочь Японии [35]. Таким образом, Япония приобрела еще одного сильного союзника, который обладал большим экономическим и военным потенциалом. Мощные державы, стоящие за спиной Японии, придавали последней уверенности, стимул проводить агрессивную политику.

ВЫВОД

Итак, в результате различных факторов, напряжение между Россией и Японией достигло наивысшей точки кипения. Закономерным результатом такого противостояния стала война, которой не удалось избежать.

Классический политический реализм как инструмент анализа смог дать нам представление о том, почему государства (в данном случае – Россия и Япония) довели отношения между собой до военного столкновения. Это связано с анархичностью международной системы, где нет «органа», который мог бы урегулировать споры между государствами, поэтому государства используют силовую политику для самосохранения и выживания; с наличием у стран национальных интересов, которые неизбежно сталкиваются. Общие интересы России и Японии в Маньчжурии, Корее, наращивание силы в регионе этими странами, подталкивание Японии другими крупными державами к конфликту с Россией ради своих собственных интересов – вот главные, на наш взгляд, причины, которые стали спусковым крючком для разразившейся войны.

Таким образом, в ходе исследования мы рассмотрели несколько причин русско-японской войны 1904–1905 гг. с точки зрения классического политического реализма. Мы узнали о его развитии как парадигмы в теории международных отношений, поняли, как он соотносится с выбранной нами темой. Нами были сделаны выводы о неизбежности войны в условиях «анархии» в международных отношениях и ненасытных империалистических «аппетитов».

[34] Там же. С. 40.

[35] Там же. С. 44.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история / О. Р. Айрапетов. – Москва: ООО «Торговый Дом Алгоритм», 2014. – 496 с.
2. Алексеева Т. А. Перечитывая «классиков». Фукидид и политический реализм / Т. А. Алексеева. // Сравнительная политика. – 2015. – №3. – С. 7-20.
3. Ан Сен Ир. Русско-японская война и передел международной системы в Восточной Азии / Ан Сен Ир. // Вестник ЗабГУ. – 2015. №3(118) – С. 85-106.
4. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – 478 с.
5. Гринюк В. А. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея / В. А. Гринюк. // Россия и АТР. – 2014. – №1(83) – С. 48-63.
6. Зотова Л. В. Безопасность народа и государства как высшая ценность Гоббса / Л. В. Зотова. // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2003. – №4. – С. 55-64.
7. Иванов А. И. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904-1905 гг. / А. И. Иванов. // Россия и АТР. – 2014. – №1(83) – С. 159-171.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 896 с.
9. Строгецкий В. М. К интерпретации текста Фукидида о причинах Пелопонесской войны / В. М. Строгецкий. // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2017. – №47. – С. 97-101.
10. Ушаков Ю. В. Российско-японские отношения накануне войны 1904-1905 гг. / Ю. В. Ушаков. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2003. – №8. – С. 143-144.
11. Федров Г. С. Политическая и частная мораль в философии Аристотеля, Макиавелли и Гоббса / Г. С. Федров. // Вестник Российского университета кооперации. – 2010. – №1. – С. 196-204.
12. Федулов С. С. Учение Н. Макиавелли: политический реализм или политический цинизм? / С. С. Федулов. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №3 – С. 44-48.

13. Фролов И. А. Причины русско-японской войны 1904-1905 гг. / И. А. Фролов. // Власть. – 2014. – №7. – С. 173-175.

14. Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. 1904-1905 гг. Факты. Документы / В. К. Шацилло, Л. А. Шацилло. – Москва: Молодая гвардия, 2004. – 470 с.

15. Donnelly J. Realism and International Relations / Jack Donnelly. – Cambridge University Press, 2000. – 231 p.

16. Morgenthau H. J. Politics Among Nations / Hans J. Morgenthau. – Peking University Press, 2005. – 658 p.

REFERENCES

1. Ajrapetov O. R. Na puti k krahu. Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. Voenno-politicheskaya istoriya [On the Way to Collapse. The Russian-Japanese War of 1904-1905. Military and Political History] / O. R. Ajrapetov. – Moscow: OOO «Torgovyj Dom Algoritm», 2014. – 496 p.

2. Alekseeva T. A. Perechityvaya “klassikov”. Fukidid i politicheskij realism [Rereading the “Classics”. Thucydides and Political Realism] / T. A. Alekseeva. // Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. – 2015. – №3. – P. 7-20.

3. An Shengri. Russko-yaponskaya vojna i peredel mezhdunarodnoj sistemy v Vostochnoj Azii [Russian-Japanese War and the Revision of International System in East Asia] / An Chengri. // Vestnik ZaBGU [Bulletin of ZaBGU]. – 2015. – №3(118) – P. 85-106.

4. Donnelly J. Realism and International Relations / Jack Donnelly. – Cambridge University Press, 2000. – 231 p.

5. Fedrov G. S. Politicheskaya i chastnaya moral' v filosofii Aristotelya, Makiavelli i Gobbsa [Political and Private Morality in the Philosophies of Aristotle, Machiavelli and Hobbes] / G. S. Fedrov. // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. – 2010. – №1. – P. 196-204.

6. Fedulov S. S. Uchenie N. Makiavelli: politicheskij realizm ili politicheskij cinizm? [Machiavelli's Teachings: Political Realism or Political Cynicism?] / S. S. Fedulov. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]. – 2017. – №3 – P. 44-48.

7. Frolov I. A. Prichiny russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. [Reasons of the Russian-Japanese War of 1904-1905] / I. A. Frolov. // Vlast' [Power]. – 2014. – №7. – P. 173-175.

8. Grinyuk V. A. Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. i Koreya [The Russo-Japanese War of 1904-1905 and Korea] / V. A. Grinyuk. // Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific Region]. – 2014. – №1(83) – P. 48-63.
9. Hobbes T. Leviathan [Leviathan] / T. Hobbes. – Moscow: Mysl, 2001. – 478 p.
10. Ivanov A. I. Stolknovenie interesov Rossii i Yaponii na Korejskom poluostrove kak faktor nachala Russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. [The Clash of Interests of Russia and Japan on the Korean Peninsula as a Factor in the beginning of the Russo-Japanese War of 1904-1905] / A. I. Ivanov. // Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific Region]. – 2014. – №1(83) – P. 159-171.
11. Kissinger H. Diplomatiya [Diplomacy] / H. Kissinger. – Moscow: AST, 2018. – P. 896.
12. Morgenthau H. J. Politics Among Nations / Hans J. Morgenthau. – Peking University Press, 2005. – 658 p.
13. Shacillo V. K., Shacillo L. A. Russko-yaponskaya vojna. 1904-1905. Fakty. Dokumenty [The Russo-Japanese War. 1904-1905. Facts. Documents] / V. K. Shacillo, L. A. Shacillo. – Mosow: Molodaya gvardiya, 2004. – P. 470.
14. Strogeckij V. M. K interpretacii teksta Fukidida o prichinah Peloponesskoj vojny [To the Interpretation of the Thucydides Text on the Reasons and Occasion of the Peloponnesian War] / V. M. Strogeckij. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. – Istorya. – 2017. – №47. – P. 97-101.
15. Ushakov Y. V. Rossijsko-yaponskie otnosheniya nakanune vojny 1904-1905 gg. [Russian-Japanese Relations on the Eve of the 1904-1905 war] / Y. V. Ushakov. // Nauchno-tehnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki [Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics]. – 2003. – №8. – P. 143-144.
16. Zotova L. V. Bezopasnost' naroda i gosudarstva kak vysshaya cennost' Gobbса [The People and State Security as the Major Political Value in the Theory of Thomas Hobbes] / L. V. Zotova. // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [Bulletin of PFUR. Series: Political Science]. – 2003. – №4. – P. 55-64.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

The certificate of registration of mass media EL FS 77 - 80193, 22.01.2021 issued
by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция на подлежит маркировке

Компьютерная верстка Т.А. Цыплина

Формат 60×84½.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 25 экз. Заказ 381

